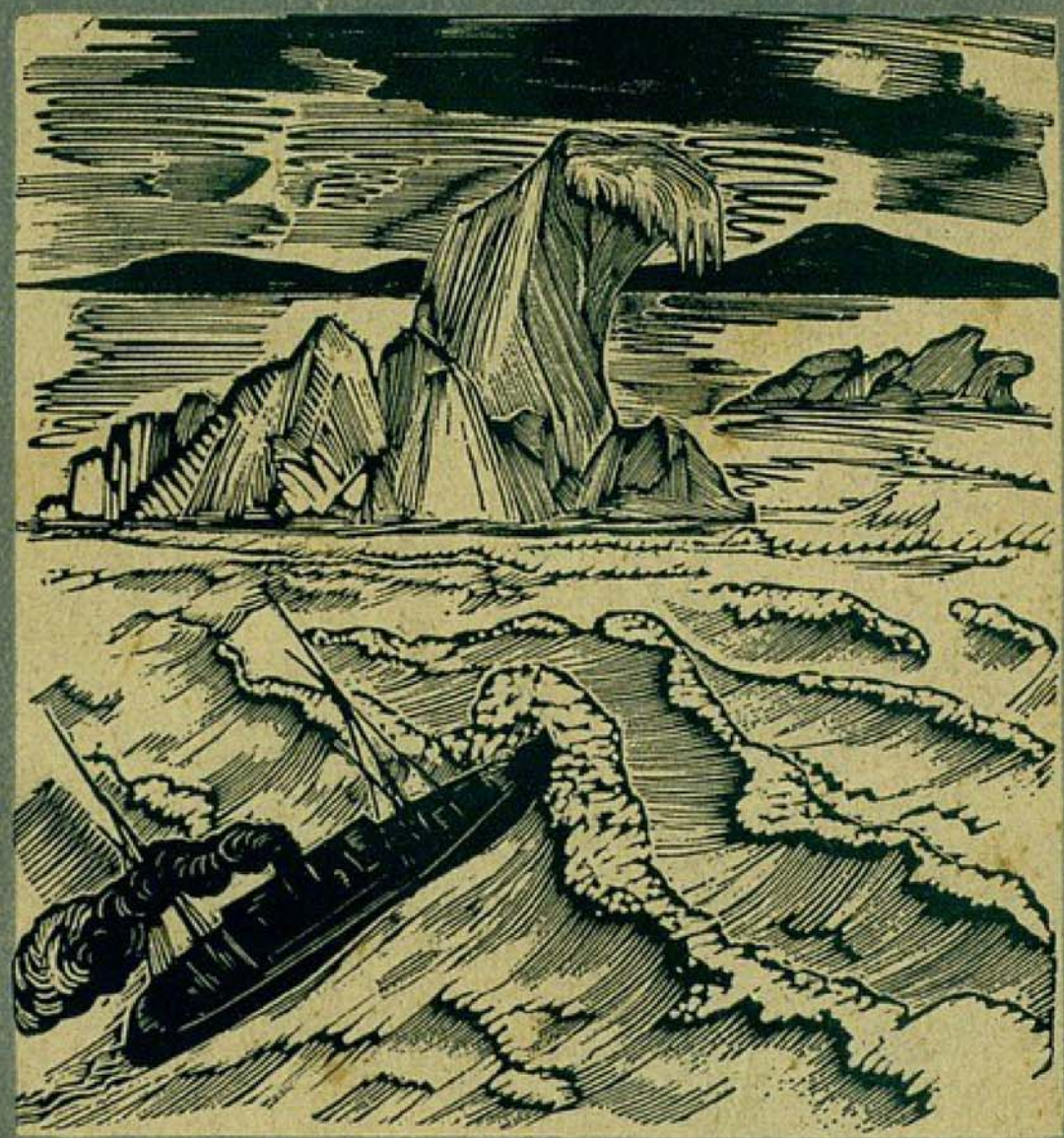

76/87

А. С О К О Л О В

ЗА ЛЕДЯНОЙ
СТЕНОЙ

944/1512

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1 9 2 9

Б И Б Л И О Т Е К А

A. SOKOLOVV

DERRIÈRE LE MUR
DE GLACE

(ILE DE WRANGEL)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

ЭКСПЕДИЦИИ И ПУТЕШЕСТВИЙ

А. СОКОЛОВ *М*

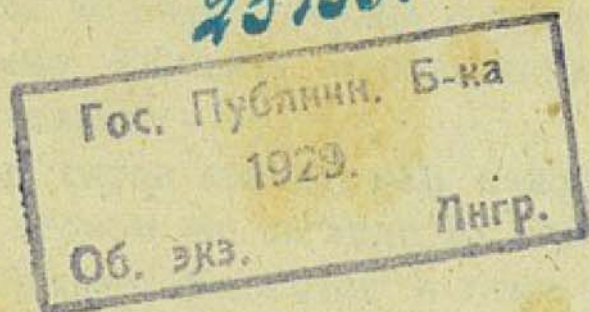
76/87

ЗА ЛЕДЯНОЙ СТЕНОЙ

(ОСТРОВ ВРАНГЕЛЯ)

С 7 рисунками и 3 картами

25133.

МОСКВА

1929

ЛЕНИНГРАД

*Обложка — гравюра на дереве
работы худ. Н. П. Дмитревского*

*Типография Издат. „Молодая
Гвардия“. Ленинград, В. О.,
5 лин., 28. Зак. Изд. № 3142.
Ред. план № 715. Главлит
№ А-36080. Печати. листов 7.
Тираж 4.000 экз.*

ГЛАВА I

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАГАДКА XVIII СТОЛЕТИЯ

Слухи о большой земле, расположенной на север от берегов Сибири. — Плавания казаков. — Путешествие Андреева

„Да на сем же острове всходили на верх горы и смотрели во все стороны. В полуденную сторону виден голоменит камень, который, по рассуждению нашему, тот Ковымский камень, а влево, в восточной стороне, едва чуть видеть, синь синеет, или назвать какая чернь: что такое, земля или полое море, о том в подлиннике обстоятельно донести не умею“.

Так писал в 1763 году геодезии сержант Андреев, посланный на Медвежьи острова (на север от реки Колымы) для проверки слухов о продолжении Америки на запад мимо Колымы, в недалеком от Сибирского берега расстоянии.

Подобные слухи сейчас нам кажутся только смешными. При первом же взгляде на глобус или на карту полярной области бросаются в глаза привычные очертания материков Америки и Азии, разделенных огромным пространством Северного Полярного моря.

Однако полтора с лишним века тому назад дело обстояло иначе, и предположение о том, что берег Америки лежит где-то совсем недалеко от северного побережья Сибири, никак нельзя было считать досужим вымыслом ученых или просто фантазией невеже-

ственных людей. Полтора века тому назад наши сведения о северном побережьи восточной Сибири были до крайности скудны. Карты того времени не только не давали точных очертаний самого побережья и прилегающих островов, но рождали смутные предположения о таинственных землях, скрытых в ледяных просторах Полярного моря.

В половине XVII столетия казаки и промышленники, покорители и первые неутомимые исследователи Сибири, по великим сибирским рекам вышли в Ледовитое море и быстро распространили свои плавания вдоль его побережий, влекомые надеждой на покорение прибрежных жителей страны и на прибыльную торговлю с ними.

Эти плавания русских „мореходцев“ вдоль трудно доступных и дотоле никому неизвестных берегов дали нам первые сведения о них и сопровождались рядом замечательных географических открытий. В том месте, где материки Азии и Америки ближе всего сходятся друг с другом, высокий мыс, отмечающий северо-восточную оконечность Азии, крутыми утесами обрывается в море.

Этот мыс называется мысом Дежнева, по имени того казака, который в 1648 году, выйдя из р. Колымы, обогнул его и своим плаванием впервые показал, что материки Азии и Америки не составляют одного целого, а разъединены проливом.

Однако, по справедливому свидетельству историка, казаки и промышленники, неутомимые в трудах своих, не имели никаких познаний и по этой причине не оставили нам „верных и нужных“ сведений о своих замечательных плаваниях.

В их донесениях, скупно излагавших обстоятельства плаваний, напрасно было бы искать точных материалов, необходимых для изображения на карте осмотренных ими побережий или отдельных посещенных мест.

С другой стороны, суровое Полярное море, разбросанные в нем острова, его непогоды, туманы и льды, часто преграждавшие казакам путь и ломавшие их суда, вся эта тяжелая обстановка и опасности плавания, несомненно, производили на казаков неизгладимое впечатление. В своих изустных рассказах они невольно преувеличивали виденное, сплетая истину с вымыслом и давая повод заманчивым слухам об островах и землях, об их обитателях и природных богатствах.

Так, по словам якутского казака Михайлы Стадухина, некая чукотская женка сказывала ему (в 1644 г.), что против рек Яны и Колымы находится обширнейший остров, усматриваемый с берега, и что чукчи зимой в один день переезжают туда на оленях за моржовыми клыками.

А сорок лет спустя, просвещенный смоленский воевода Мусин-Пушкин сообщал в Москве французскому иезуиту Филиппу Аврилю, что при устье Колымы есть большой, населенный остров и что Америка „не очень удалена от этой части Азии“.

Сибирские власти не могли оставаться безучастными к подобным слухам о новых землях и новых народах. С течением времени к устьям сибирских рек и вдоль морских берегов отправляются целые отряды для покорения жителей этих новых стран и отыскания новых берегов.

Такие предприятия часто оканчивались полной неудачей. Но слухи росли и только давали повод новым попыткам, новым поискам.

В 1723 году боярский сын Федот Амосов утверждал, что существует огромный остров против берегов Сибири, простирающийся от реки Яны до реки Индигирки и дальше на восток. Вслед за ним промышленник Иван Вилегин подтвердил слух об этом острове. По его словам, остров тянется от Яны до Колымы и дальше на восток, доходя почти до мыса Шелагского, откуда его легче всего достигнуть.

Повидимому, Амосов и Вилегин побывали на одном из Медвежьих островов, но эти их посещения вовсе не рассеяли слухов о лежащей дальше на север неизвестной большой земле.

Нам сейчас при взгляде на карту побережий восточной Сибири легко понять, откуда рождались все эти слухи. Казаки и промышленники в своих плаваниях на восток несомненно наталкивались на многочисленные острова Сибирского моря. Острова эти могли казаться им частями одной и той же суши, которые воображение их связывало в одно целое. С другой стороны, неизвестность в направлении Американского берега заставляла продолжать его далеко на запад и соединять с большою землею Сибирского моря. Все эти взгляды находили себе отражение на некоторых картах того времени. Карты эти, конечно, ни в какой степени не могут считаться точным изображением побережий Сибири, а свидетельствуют лишь о географических представлениях их составителей.

Между тем промышленники привозили с собой с далеких берегов богатую добычу в виде мамонтовой кости, моржовых клыков и пр. С инородцами завязывались оживленные торговые сношения. Росли надежды на новые земли и новые богатства.

При таком положении вещей правительству пришлось подумать о посылке сведущих людей для съемки побережий, изображения их на карте и подробного описания этих далеких окраин.

Великая Северная Экспедиция (1734—1743), задуманная по мысли Петра Великого и работавшая 9 лет, сняла все побережье от Белого моря до устья р. Колымы. Восточная же часть от Колымы до мыса Дежнева оставалась попрежнему неизвестной, не опровергая тем самым прежних слухов и давая повод новым вымыслам.

В 1763 году геодезии сержант Андреев был послан описывать Медвежьи острова. С крайнего из них, по его словам, если встать лицом к сибирскому берегу, „влево в восточной стороне, едва чуть видеть, синь синее или назвать какая чернь“. Однако он сам не знал тогда, что это такое, земля или полое море.

Но в следующем году, повидимому, с последнего из Медвежьих островов он „усмотрел в великой отдаленности, полагаемый им величайшим, остров, куда и отправились льдом на собаках, но не доезжая того верст за 20, наехали на свежие следы превосходного числа, на оленях и в санях, неизвестных народов и, будучи малолюдны, возвратились на Колыму“.

Таким образом сам Андреев на этой „величайшей“ земле никогда не бывал, но это нисколько не помешало тому, что сведения, сообщенные им о величайшем острове, были быстро распространены и приукрашены. Много лет спустя в „Сибирском Вестнике“, в примечаниях к описанию путешествия Андреева было сказано: „Другие известия доказывают, что сия земля

имеет жителей, которые называют ее Тикеген, а сами известны под именем Хрохаев, и состоят из двух племен. Некоторые из них бородатые и похожи на Россиян, другие же Чукотской породы“.

Вскоре, по возвращении Андреева, появилась и карта, составленная неким Дауркиным, на которой Америка тянулась на запад против Сибирских берегов. На выступе этой американской земли, противоположащем Шелагскому мысу, значилась надпись: „Земля Китеген. Живут оленные люди Храхан“.

О жителях же самого Шелагского мыса и области, близ него расположенной, ходили страшные слухи: „Жители говорят языком особливим. На бою весьма жестоки и покорить их не можно. Хотя из них кто и в полон попадет, тот сам себя убивает“.

Все это только сгущало таинственный покров, скрывавший большую часть северного побережья Восточной Сибири и прилегающие пространства сурового Ледовитого моря.

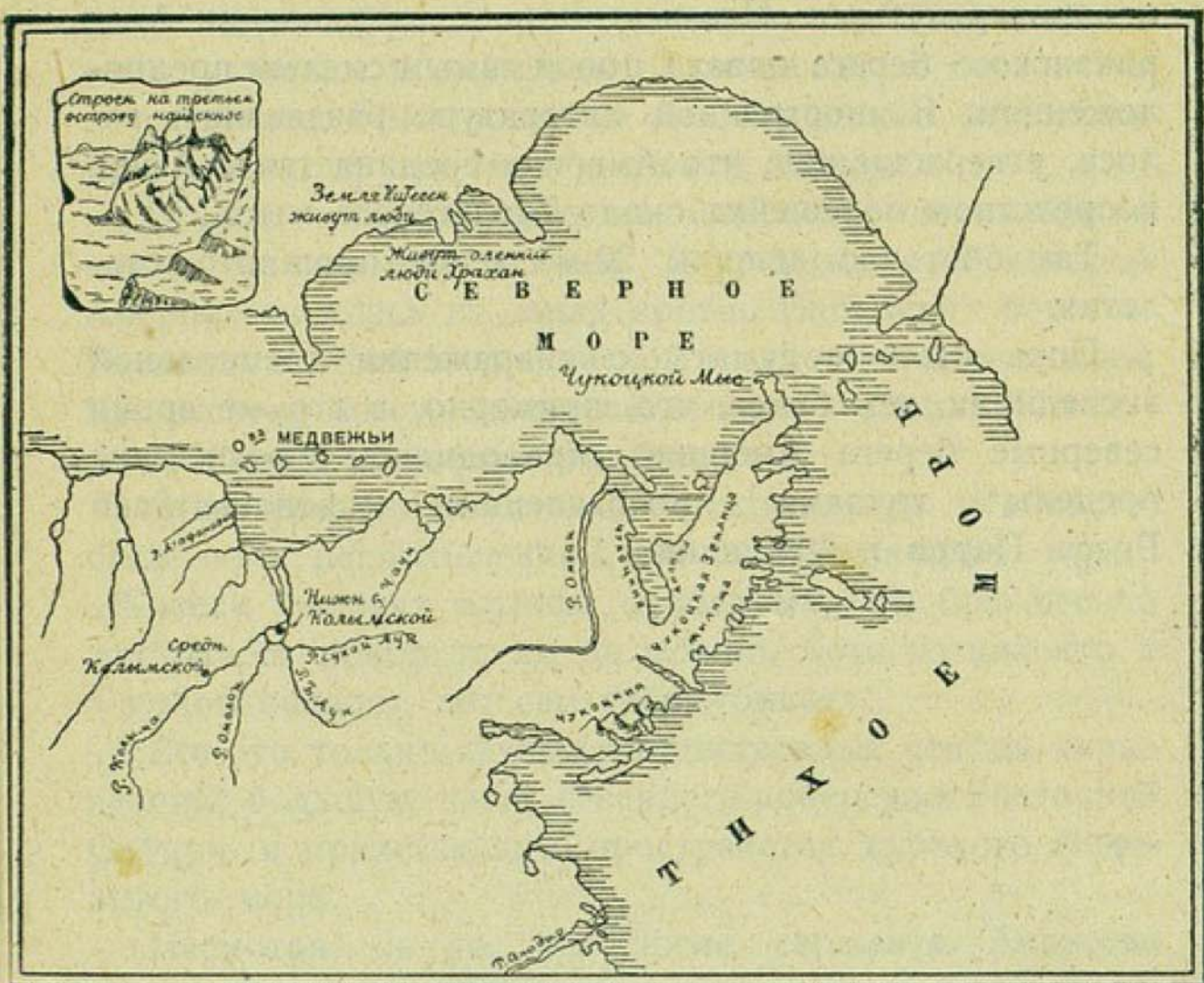
Несмотря на то, что после сержанта Андреева в последние годы XVIII и первые годы прошлого столетия здесь работало несколько экспедиций, в том числе экспедиции знаменитого Кука и Сарычева, эта географическая загадка попрежнему оставалась неразрешенной.

Часть побережья от мыса Шелагского до мыса Северного оставалась вовсе неосмотренной, и в отношении ее можно было строить всякие догадки и предположения. Ни одному судну этих экспедиций из-за льдов не удалось ни пройти вдоль этого побережья, ни проникнуть в открытые части моря. Слухи о земле против Колымского устья и мыса Шелагского оставались

неопровергнутыми. Неизвестность в направлении Американского берега давала повод самым смелым предположениям. В иностранной литературе раздавались голоса, утверждавшие, что Америка соединяется с Азией посредством перешейка около Шелагского мыса.

Так обстояло дело к 20-м годам прошлого столетия.

Пора было подумать о снаряжении специальной экспедиции, тем более, что, примерно, в это же время северные берега Америки „приводились в точнейшие пределы“ трудами прославленных мореплавателей Росса, Парри и Франклина.

Чукотская земля (по карте Николая Дауркина 1771 г.—
из работы Л. С. Берга).

ГЛАВА II

В ПОИСКАХ НЕИЗВЕСТНОЙ ЗЕМЛИ

Ф. П. Врангель.—Нижне-Колымск.—На собаках по льду.—Поиски земли.—1823 год.—Встреча с чукчами.—Рассказ Камакая, старшины чукотских племен.—По льду на север, в открытое море.—
На краю гибели.— Возвращение

В России сто с лишним лет тому назад описанием морских берегов и составлением морских карт ведал Государственный Адмиралтейский Департамент. Когда снаряжение специальной экспедиции для описи берегов Сибири, лежащих к востоку от Колымы, стало делом решенным, Департамент возложил эту задачу на молодого лейтенанта Фердинанда Петровича Врангеля.

Врангелю едва минуло 24 года. Он только что вернулся из трехлетнего кругосветного плавания, совершенного им под начальством знаменитого Головнина. Весьма образованный и жаждавший новых знаний, он энергично принялся за дело, сулившее ему столько же радостей исследователя, сколько тяжелых трудов и всевозможных лишений. Без раздумья и колебаний, привлеченный возможностью широких исследований в почти неизвестной стране, он променял обычную жизнь морского офицера на трехлетнее пребывание в полярной пустыне, вдали от привычной ему обстановки. В помощь Врангелю в Петербурге же были назначены мичман Матюшкин, штурман Козьмин, доктор медицины

Кибер, „сведущий по части естествознания“, слесарь Иванинков и матрос Нехорошков, также знавший слесарное и плотничное ремесло. В остальном предлагалось рассчитывать на помощь местного населения. Отряд был хорошо снабжен всеми инструментами, необходимыми для астрономических и физических наблюдений.

Инструкция Государственного Адмиралтейского Департамента назначала отряд Врангеля „для описи берегов от устья реки Колымы к Востоку до Шелагского мыса, и от оногo на Север, к открытию обитаемой земли, находящейся, по сказанию чукчей, в недалеком расстоянии“. Кроме того, указывая на невозможность выполнения описи в летнее время на мореходном судне, „за множеством носимого по Ледовитому морю льда“, и на то, что прежние исследователи (Андреев и др.) „с удобностью“ описывали берег и острова в весеннее время на собаках по льду, инструкция предлагала Врангелю выполнить возложенную на него задачу „такowymi же“ способами, т. е. в весеннее время на собаках по льду.

Одновременно с этим на лейтенанта Петра Федоровича Анжу с его отрядом возлагалась такая же опись берега и островов на запад от Колымы.

4 апреля¹ 1820 года Врангель отправился из Петербурга и только 14 ноября при 32 градусах мороза добрался до Нижне-Колымска, первой цели своего путешествия, который и сделался на три года главным его местопребыванием.

Нижне-Колымск, расположенный в ста с лишним километрах от моря, на левом берегу одного из рукавов

¹ Все числа по новому стилю. *Прим. автора.*

Колымы, состоял в то время из острога (укрепления), церкви и 42 домов и юрт. Самый острог был обведен деревянным забором, с четырьмя маленькими, остроконечными башнями по углам. Внутри этой ограды находилось большое строение, использованное под канцелярию местного начальства, и несколько сараев, по большей части пустых.

Место этого поселения было такое же безотрадное, как и в наши дни.

Летом на север и запад взоры терялись в необозримой безлесной, болотистой тундре, изредка покрытой искривленными лиственницами и мелким ивовым кустарником. На востоке и на юге виднелись горы, несколько оживлявшие общий унылый вид. Зимой все было скрыто белым снежным покровом. Серый туман стлался над низким кустарником бедной тундры.

Основное ядро ниже-колымского населения составляли русские, казаки, несшие караульную службу в остроге, поддерживавшие порядок на местных ярмарках и в нужных случаях защищавшие промышленников против чукчей, о воинственности и свирепости которых ходили упорные слухи. Из инородцев в Нижне-Колымске жили главным образом якуты и юкагиры. Среди местного населения сохранялось предание о жившем некогда здесь сильном и многочисленном народе, омоках, у которых, по словам предания, на берегах Колымы огня было больше, чем звезд на ясном небе. Но ко времени приезда Врангеля народ этот оттуда вовсе исчез, и о судьбе его можно было строить только предположения по несвязным рассказам некоторых стариков.

Все ниже-колымские постройки были очень схожи между собою. Отсутствие леса заставляло для стро-

ительных нужд пользоваться выкидным лесом, приносимым с моря при весеннем разливе рек. Приходилось ждать по несколько лет, пока река приносила необходимое количество бревен. Стены выводились жителями по образцу русских изб. Промежутки между бревнами затыкались мхом и замазывались глиной; кроме того, снаружи нижняя часть строения до окон для утепления заваливалась землей. Крыша делалась плоской и тоже засыпалась землей. Внутри, в углу горницы устраивался якутский чувал (очаг), сплетенный из ивовых прутьев и обмазанный глиною. Вместо трубы обычно делалось отверстие в крыше, и только некоторые жители имели у себя русские печи. Смотря по достатку хозяина, горница разделялась низкими перегородками на несколько отделений. По стенам обычно стояли широкие скамьи, покрытые оленьими кожами. На стенах развешивалась разная домашняя утварь: ружья, стрелы, луки и т. п. Все дома смотрели окнами на южную сторону. Окон делалось два, но от них было очень мало пользы. Стекол не было, а заменявшие их летом рыбы пузыри, зимой льдины в шесть дюймов толщиной едва пропускали дневной свет. С одной стороны к дому приделывались сени, к которым примыкал амбар, сложенный из тонких бревен. Возле дома и на крыше устраивались „вешалки“ для сушки рыбы. У амбара стояла конура, куда во время жестоких морозов укрывались собаки, обычно лежавшие на привязи перед домом. Заборов почти не было.

Главное занятие жителей составляла рыбная ловля, которой разными способами они занимались почти во все времена года. В летнее время к этому присоединялась охота на оленей и птиц. От состояния этих

промыслов зависело самое существование колымчан и их собак, бывших их верными помощниками и зимою, когда их запрягали в сани, и летом, когда ими пользовались для тяги лодок против течения.

Ранняя весна была самым тяжелым временем для жителей Н.-Колымска. Припасы, заготовленные летом и осенью, в течение зимы уничтожались. Рыба, загнанная жестокой стужей на дно рек и озер, не показывалась еще в воде. Собаки изнурены зимней работой и недостатком корма, и ими нельзя пользоваться для охоты на оленей и лосей. Всей округе угрожает ужаснейший голод. Врангель, проживший три весны в Н.-Колымске, говорит о том, что он с содроганием представляет себе и не может даже описать ту плачевную картину голода и нищеты, свидетелем которой он был.

Перелет птиц из южных стран обычно предвещал конец голода и всеобщего бедствия. Население оживало и спешило воспользоваться коротким теплым временем, чтобы запастись скудными припасами и встретить долгую суровую зиму.

Колыма вскрывается в половине июня, но лето начинается несколько раньше, в первых числах июня, когда низкая ива распускает свои листочки, а южные склоны берегов покрываются бледной зеленью. Лето продолжается три месяца. 52 дня солнце не заходит вовсе. Но оно низко стоит над землею, только светит тусклым светом и почти не нагревает воздуха. В конце июня в полдень случается до 18° тепла. Расцветают цветы. Чувствуется дыхание солнца. Но поднимается морской ветер, воздух сразу делается холодным, и часто среди лета бывают снежные метели.

В июле воздух делается прозрачнее и мягче, но зато с первых же чисел месяца появляются тучи комаров, безжалостно мучающих людей и животных и отгоняемых только при помощи огромных смрадных костров из мха и сырых дров.

Уже в половине сентября становится река у Нижне-Колымска, и начинается сразу зима, продолжающаяся девять месяцев. В октябре холод несколько смягчается густыми туманами и испарениями с замерзающего моря, но с ноября уже наступают большие морозы, достигающие в январе до 43° . Тогда, по словам Врангеля, захватывает дыхание. Дикий олень, житель полярных стран, забирается в глушь лесов и стоит там неподвижно, как бездыханный — даже снег испаряется! В начале декабря наступает 38-суточная ночь, освещаемая только звездами, луною и частыми северными сияниями. В начале января на горизонте появляется первая утренняя полоска зари. С возвращением солнца холода усиливаются. В феврале и марте утренние морозы особенно невыносимы. Однако ясные дни зимою бывают редки. Морские ветры часто наносят густой туман и мглу, совершенно скрывающие звезды.

Летом все колымчане покидали свои зимние жилища и устремлялись на промысел в летние балаганы, во множестве разбросанные по рукавам Колымы и берегам многочисленных впадающих в нее речек. В остроге оставались только казацкий сотник, с двумя караульными, священник с причтом и несколько голодных семей, которые не имели возможности выехать на общий промысел.

К концу лета все снова собирались в Нижне-Колымске и по-своему тихо и спокойно проводили долгую

зиму. Самым блестящим временем в этом унылом и полном лишений существовании бывал февраль месяц, когда приезжали купцы из Якутска и вслед за этим открывалась Чукотская ярмарка в Островной крепости, на р. Анюе, в 100 километрах от Нижне-Колымска. В эти дни в Нижне-Колымске бывало весело и шумно. В остальное время жизнь текла однообразной чередой. Вот, по словам Врангеля, обычная картина этого зимнего времяпрепровождения.

Длинные полярные ночи собирают жителей дома вокруг очага, трескучее пламя которого заменяет им лучи солнца, надолго скрывшегося за горизонтом. Хозяин дома, с сыновьями, исправляет сеть для рыбной ловли из конского волоса, или prepares луки, стрелы и копья. Женщины, на лавках и на полу, либо выделывают шкуры зверей, добытых на охоте мужьями, либо оленьими жилами, вместо ниток, шьют и чинят одежду. Над чувалом в железном котле варится рыба на корм собакам, а для семьи готовится скромный обед, состоящий обычно из вареной или жареной рыбы или оленины.

Огонь чувала и нескольких жирников тускло светится сквозь ледяные окна, а из труб поднимаются высокие столбы дыма, и яркие искры рассыпаются над кровлями. Собаки, свернувшись, лежат на снегу вокруг домов и изредка нарушают окружающую тишину ужасным воем, очень разнообразным и мало гармоничным, но, что всего удивительнее, ясно позволяющим различать их высокие, средние и низкие голоса.

По временам в холодном небе над затерянным в ледяной пустыне селением вдруг вспыхивает своеобразный тусклый свет. В небе медленно и быстро

двигаются огненные столбы, мгновенно зажигаются и гаснут пуки ярких лучей, достигающие вершины неба и образующие светлые венцы вокруг полной луны. Тысячи бестелесных фигур возникают и исчезают, как светлые тени, на темно-голубом небе в глубокой тишине полярной ночи. Это — северное сияние, или сполохи, как называют их здешние жители. По их словам, волнение, разведенное в море ветрами, сильно бьет в ледяные горы; отраженные от них брызги, дробясь в воздухе, преломляют яркий цвет огромных льдин и производят это чудесное и изумительное по красоте явление...

По приезде Врангеля в Нижне-Колымск ему была отведена квартира в самом большом доме, который до этого уже несколько лет стоял пустым и слыл убежищем нечистых духов. Несмотря на такую плохую репутацию, дом этот или, вернее, изба, похожая на остальные ниже-колымские постройки, представляла довольно сносное жилище. Она состояла из двух комнат. В первой поместились спутники Врангеля. В задней — он сам. Скамья, служившая кроватью, шаткий стол и стул, связанный ремнями, составляли всю ее обстановку. В сильные морозы лед в окнах растрескивался. Несмотря на постоянно пылавший огонь, в избе было так холодно, что Врангель принужден был сидеть в шубе и теплых сапогах, а когда писал, то чернила отогревались в горячей воде.

Над избой, по указаниям Врангеля, была выстроена башня с четырьмя окнами по четырем сторонам света для астрономических наблюдений. Едва устроившись, Врангель начал деятельно готовиться к предстоящим своим работам. Было устроено совещание, на котором

были приглашены ниже-колымские жители, а также старшины якутских и юкагирских поселений, расположенных по рекам Омолону и Анюю. На этом совещании был установлен порядок заготовки всего необходимого для экспедиции, распределены повинности и определена такса для расплаты за все поставляемое. Анюйские юкагиры обязались доставить нужное количество оленьих кож для походных жилищ, так называемых уросов (палаток). Омолонские юкагиры обещали снабдить экспедицию березовым лесом для байдары (лодки) и всем необходимым для постройки нарт (саней). Сами колымчане взяли на себя поставку рыбы для людей и собак. После этого были приняты меры к заготовке необходимого количества самих собак, которых требовалось для экспедиции 600 штук!

Во время этих сборов местные жители всячески пугали Врангеля рассказами о предстоящих опасностях. Местное начальство утверждало, что здешние собаки слишком слабы и не могут выдержать такую дальнюю поездку, а проводники неопытны и ненадежны. Зная, что Врангелю предстоит путь на восток, к мысу Шелагскому, в земли, населенные чукчами, ему приводили множество примеров коварства чукчей, описывая их людьми самыми опасными и жестокими.

Между тем приготовления шли своим чередом.

В половине февраля 1821 года Врангель узнал, что он может рассчитывать только на половину нужного ему количества собак, и притом только к концу марта.

Не желая терять светлое время и с большим трудом достав девять нарт с необходимым числом собак, Врангель 2 марта вместе с Козьминым и надежней-

шими проводниками из местных жителей, которые оказались потом его верными и мужественными помощниками, отправился в свой первый ледяной поход. Три нарты с инструментами, одеждой и снаряжением, предназначались для самого путешествия. Остальные шесть с продовольствием и кормом для собак по мере разгрузки должны были возвращаться назад.

В устье восточного рукава Колымы, имеющей здесь около 20 км ширины, находится плоский и низменный остров, зимою совсем сливающийся с рекою. В южной его части стояли два сарая (или поварни, как их называют), служившие колымчанам убежищем во время охоты и рыбной ловли. Это местечко, известное под именем Сухарного, Врангель выбрал своей промежуточной базой, и 5 марта после размещения груза на нартах и других необходимых приготовлений вышел отсюда со своим отрядом вдоль берега на восток, намереваясь осмотреть его возможно далеко, как обстоятельства это позволят.

17 марта, следуя большей частью по замерзшему морю, иногда пересекая перешейки мысов, впервые преодолевая трудности подобного путешествия, при постоянной температуре около 30° мороза, отряд достиг Шелагского мыса. Пройдя еще около 55 км вдоль берега на юго-восток и убедившись в том, что на север здесь лежит замерзшее море и нет никакого перешейка, соединяющего в этом месте Азию с Америкой, Врангель повернул обратно.

26 марта, проделав на санях 1.197 км, он вернулся в Нижне-Колымск, где в полном смысле слова наслаждался „приятностями топленой комнаты и порядочно

сваренной пищи". На этот раз встретиться с чукчами ему не пришлось, но следы их пребывания в разных местах побережья были встречаемы неоднократно.

Едва отдохнув, уже наученный первым опытом, Врангель стал готовиться ко второму своему путешествию. 28 марта он был опять в Сухарном, а 7 апреля с двадцатью нартами выступил к Малому Баранову камню, намереваясь отправиться оттуда прямо в открытое море. На этот раз путешествие продолжалось 36 суток. С трудом продвигаясь через торосы замерзшего моря, не взирая на мороз и снежные метели, терпя всевозможные лишения, часто проваливаясь сквозь снег и прорубая себе путь во льду пешнями, Врангель дошел до Медвежьих островов, заново описал их и оттуда прошел на север до $71^{\circ} 43'$ сев. широты, удалившись таким образом по льду в море больше, чем на 200 км по прямому расстоянию от Баранова камня. Дальше ему помешали итти полыньи и весенняя ломка льда. Но, дойдя до этого места, он не нашел в этом направлении, т. е. против устья Колымы, никакой новой земли или острова.

На этот раз Врангель сделал около 1.300 км на собаках по льду, в лабиринте торосов и трещин.

В Нижне-Колымске наступала весна, а с ней вместе надвигались голод и болезни. Лето также не было удачным. Рыбы было наловлено мало. Оленья охота не удалась. К этому присоединилось сильное поветрие на собак, уничтожившее большую часть их.

В течение лета штурман Козьмин, верхом на лошади, описал берег на запад от Колымы до Индигирки, а Врангель, страдавший ревматизмом, отдыхал некоторое время в теплых, обильных зеленью долинах Средней Колымы.

Тяжелая голодная зима прошла в заботах и приготовлениях к третьему путешествию по льду. С трудом раздобыв подходящих собак и то только на 5 упряжек, Врангель 24 марта 1822 года снова был в Сухарном и через несколько дней направился дальше, намереваясь выйти в море от Большого Баранова камня на этот раз в северо-восточном направлении. В это путешествие ему удалось проникнуть до 72° сев. широты в открытое море. Он находился более чем в 200 км от Большого Баранова Камня и, кроме того, осмотрел пространство на 100 км к востоку от этого направления, т. е. почти до меридиана Шелагского мыса, но нигде не нашел никакой земли. Иногда Врангелю казалось, что он видит эту желанную землю и вот-вот дойдет до нее. Так, 8 апреля утром, почти на 72° сев. широты, он и его спутники могли довольно ясно отличить на горизонте, за грядами торосов, два темно-синих возвышения, окраенные, как горы, то исчезающие, то снова появляющиеся. Врангель и Козьмин были убеждены, что видят землю. Проводники же уверяли, что то были пары, поднимающиеся из открытого моря и издали получавшие темно-синий цвет. Продвигаясь на северо-восток, в направлении замеченной земли, они нашли вмерзшее в лед полусгнившее дерево, что еще более укрепило их надежды. Чем дальше пробирались они между торосами, тем яснее становились замеченные ими возвышенности, которые скоро приняли вид недалекой гористой земли. Холмы резко окраились. Врангель и его спутники могли различать долины и даже отдельные утесы. Все поздравляли друг друга с удачным достижением цели и спешили дальше, надеясь до вечера вступить на желан-

ный берег. Но, увы, радость была непродолжительна. То был оптический обман, весьма частый в подобных условиях, и все надежды исчезли. Вечером, с переменной освещенности, новооткрытая земля подвинулась по направлению ветра, а через несколько времени охватила весь горизонт. Путешественникам казалось, что они находятся среди огромного озера, обставленного скалами и горами...

На этот раз Врангель пробыл в отсутствии 57 дней, сделав в общей сложности 1.446 км, и вернулся в Нижне-Колымск только 17 мая. Нижне-Колымск был уже совершенно пуст. Все жители разошлись за промыслами по лесам и тундрам, за исключением двух постоянных обитателей: казака-инвалида и старухи Сухомясихи. На случай наводнения все движимое имущество — ящики, бочки, сани и пр. — было предусмотрительно вытасчено на крыши. Действительно, 3 июня вскрылся лед, и река широко разлилась, затопив селение и всю равнину. Над водой возвышались лишь плоские крыши, заваленные вещами. Врангель и его спутники, со всеми собаками, вещами и запасами, несколько дней также провели на своей крыше, имея наготове шлюпки, чтобы в случае опасности перебраться на ближайшую гору.

В июле, когда спала вода, он предпринял путешествие в Каменную тундру, лежащую на восток от Колымы, вышел на берег моря у Барановых камней и, делая точные астрономические наблюдения, прошел вдоль берега до р. Б. Баранихи. Отсюда он направился вглубь страны и по р. Анюю с большими трудностями 1 сентября вернулся в Нижне-Колымск.

Летом этого года рыбная ловля была весьма обильна. Собаки, с прекращением поветрия, оправались и быстро

размножались. Зима проходила в деятельных приготовлениях к четвертому и последнему путешествию по льду. Предполагалось, что Матюшкин будет описывать берег моря до мыса Северного, в то время как сам Врангель последний раз направится по льду в открытое море в поисках неизвестной большой земли.

Была половина марта 1823 года...

Веками нагроможденные, мрачные, черные массивы Шелагского мыса двумя вершинами возвышались над необозримой, скованной льдом пустыней. Стоял сильный мороз, доходивший до 30 градусов. Несколько суток штормовыми порывами дул северный ветер, взрывая густые массы снега и затемняя воздух. Но теперь все стихло. На север ледяными холмами и грядами торосов уходило море. Огромные льдины громоздились у самого берега, налезая на черные утесы. Плотный снег сглаживал все очертания. Тут и там черные скалы и острые края блестящих льдин разрывали эту снежную пелену. Полярное солнце едва поднималось над горизонтом, освещая безмолвную ледяную пустыню слабыми скользящими лучами. Кругом царила могильная тишина.

Вдруг послышался лай собак, и раздались человеческие голоса. Из-за тороса в облаке пара показались люди, потом собаки и за ними — груженные нарты. Собаки, тащившие нарты, тяжело дышали. В каждой упряжке их было по двенадцати. Ростом выше аршина, с острыми, длинными мордами, с острыми стоячими ушами и длинными, мохнатыми хвостами, они были похожи на волков.

Двое из людей взобрались на вершину ближайшего ледяного холма и осмотрелись кругом. То были Вран-

гель и Козьмин. На двух нартах они обогнали остальных своих спутников и искали здесь подходящего пристанища на ночь. В недалеком расстоянии отсюда узкий берег холмистого перешейка мыса представлял удобное место для ночлега. Оставалось протащить туда между торосами тяжелые нарты. 25-пудовые сани с трудом двигались в снегу по неровностям ледяных нагромождений. В некоторых местах людям пришлось тащить нарты вместе с собаками. Еще немного усилий, и собаки, выбравшись на берег, весело побежали по ровному месту. Проводники едва успели вскочить на сани. В это время задние нарты, наскочив на льдину, потеряли равновесие и перевернулись. Покрытые кожаным одеялом и крепко стянутые ремнями, они легко опрокинулись вверх копыльями, вовсе не вывалив поклажи. Собаки сбились в кучу и подняли яростный лай. Привычные к таким случаям путешественники быстро поставили нарты, распутали собак и уже готовились двинуться дальше, как вдруг из-за прибрежных холмов вылетели легкие санки, запряженные оленями. В санках сидел человек. В некотором расстоянии санки остановились, и человек прокричал что-то на неизвестном языке. Козьмин и испуганные проводники сразу признали в нем чукчу. Видя, что его не понимают, чукча оживленно начал делать знаки руками.

Врангель и Козьмин, желая воспользоваться удобным случаем и завести знакомство с народом, который они так долго искали, подошли к незнакомцу. Не зная языка, они стали жестами удерживать его, надеясь на то, что подъедет переводчик, оставшийся позади с остальными спутниками. Трудно сказать, понял ли их чукча, но, не показывая никакой боязни или недоверия,

он вышел из саней, вынул трубку и потребовал от них табаку. Врангель поспешил исполнить его желание, и чукча принялся спокойно курить, в то время как окружающие разглядывали его с невольным любопытством. Покурив недолго, он вдруг несколько раз повторил слова „камакай, камакай!“, вскочил в свои сани и исчез между торосами так же быстро, как появился, оставив изумленных путешественников.

Между тем без особых приключений подошли остальные нарты. Стали устраиваться на ночлег на узком песчаном берегу под защитой высоких утесов. Походная палатка (урос) была раскинута в несколько минут. Опытные проводники воткнули в снег шесть тонких длинных шестов, связали их верхние концы и обтянули все это легким, из оленьих шкур сшитым покрывалом. Получилась палатка около 3 м вышины и около 4 м в основании; для прочности снаружи ее обложили снегом. Вместо двери на подветренной стороне было сделано небольшое отверстие, завешенное оленьей шкурой. Вверху было оставлено отверстие для дыма. Посредине на железной походной плитке весело запылал огонь, быстро наполнивший палатку густым едким дымом. Несмотря на это, все радовались отдыху и с нетерпением ждали, когда закипит чайник, наполненный снегом. Но все еще молчали, обмениваясь редкими словами, промерзшие и голодные. На полу на твердом снегу были разостланы медвежьи шкуры. Все сняли отсыревшие за день сапоги и чулки и развесили их на шестах для просушки. Переобувшись, стали понемногу согреваться. Несколько чашек ароматного чая, с сахаром и леденцами, с ржаными сухарями и вяленой рыбой на закуску быстро оживили и окончательно

согрели путешественников. Несмотря на густой дым, весело вспоминались события дня, сравнивались результаты наблюдений, и оживленнее всего вспоминалась недавняя встреча с чукчей.

После чая, пока варился на ужин суп с рыбой, проводники вышли наружу привязать собак. Почти стемнело. Было совсем тихо. Холодные звезды горели на ясном небе. Собаки зарылись в снег и угомонились. Одни человеческие голоса напоминали о жизни среди этого ледяного покоя.

Вдруг собаки встревожились. Залаяла одна, другая. Потом все сразу. К лагерю приближались сани, запряженные оленями. В них сидело двое чукчей. Третий бежал рядом, погоняя оленей. Все выскочили из палатки наружу. Ещё издали чукчи, сидевшие в санях, делали руками разные знаки, желая, повидимому, показать, что они пришли без оружия и с добрым намерением. Сани остановились недалеко от лагеря. С них сошел малорослый чукча, одетый в мохнатую кухлянку (рубаху из оленьего меха), в меховую шапку, рукавицы и в таких же сапогах, безбоязненно подошел к лагерю и через переводчика объявил, что он—камакай, т. е. старшина чукотских племен, обитающих по берегам Чаунского залива. В ответ на приветствия он с достоинством произнес: „Торома!“ (Здорово!), и, повернувшись к саням, крикнул что-то своим спутникам. Сидевший в санях вынул из них жирный бок тюленя и кусок свежего медвежьего мяса. Все эти подарки камакай с поклоном передал Врангелю. Чукчей окружили, и все влезли в палатку. Камакай и его спутник радостно схватили предложенный им табак и немедленно набили свои трубки. В качестве угощения чук-

чам были предложены рыба и чай. Чай попробовали охотно, но едва сделав глоток, выплюнули и с отвращением выплеснули остальное из кружек. Стремительно выскочили и, набрав снегу, начали с наслаждением жевать его, словно желая уничтожить во рту вкус чая и прохладиться. Зато сахар очень понравился.

Сначала все сидели молча. Угощаясь, чукчи с недоверием следили за каждым движением русских. Сам камакай оказался стариком лет 60, но крепким и сильным на вид, а маленькие блестящие глаза его выражали мужество и самонадеянность. Мало-по-малу недоверие как-будто проходило, и общий разговор постепенно налаживался через переводчика. Камакай держал себя очень скромно и под конец казался добродушным.

Старик назвал себя потомком древних чаванов (или шелагов), много лет тому назад двинувшихся отсюда по морскому берегу на запад и более не возвращавшихся. По имени народа, река и залив получили название Чаванских или Чаунских.

„Кто вы такие и что побудило вас в такое холодное время года предпринять столь дальнее путешествие? Много ли вас и вооружены ли вы?“—перевел его вопросы переводчик.

Врангель ответил, что они—русские и что они не имеют никаких намерений, угрожающих свободе народа чукчей. Пришли же сюда с единственной целью точнее узнать положение и свойства здешних берегов и установить, каким путем русские могут доставлять чукчам табак и другие товары. Что же касается оружия, то его имеется ровно столько, сколько надо для охоты и для защиты от белых медведей.

В свою очередь Врангель спросил камакая, постоянно ли живут чукчи здесь, поблизости Шелагского мыса?

„Нет, чукчи не имеют постоянного жилища на Шелагском мысу. Они собираются сюда обыкновенно в марте месяце для охоты за белыми медведями, которых преследуют и убивают среди торосов, вооруженные одними копьями“, — был ответ камакая.

Описывая границы своей земли от реки Большой Баранихи до мыса Северного, старик оживился и обнаружил при этом познания, вызвавшие удивление Врангеля и Козьмина. По предложению Врангеля, он взял переданную ему доску и углем нарисовал на ней положение Шелагского мыса, называя его Ерри, потом нарисовал Чаунский залив и в нем — совершенно правильно — остров Араутан, а к востоку от него — другой маленький остров (который впоследствии действительно был обнаружен Врангелем).

Заинтересовавшись всеми этими сведениями и убедившись в большой осведомленности камакая по части географии здешних мест, Врангель спросил его, не существует ли какая-нибудь земля в море к северу от Чукотских берегов?

Подумав немного и затянувшись несколько раз из своей трубки, старик рассказал следующее:

„Между мысом Ерри (Шелагским) и Ир-Кайпио (Северным), близ устья одной реки, с невысоких прибрежных скал в ясные летние дни бывают видны на севере, за морем, высокие, снегом покрытые горы, но зимою их не видно. В прежние годы с моря, вероятно, оттуда приходили большие стада оленей, но преследуемые и истребляемые чукчами и волками, они теперь не

показываются. Сам я однажды в апреле целый день преследовал стадо оленей на своих санях, запряженных оленями, но, удалясь от берега, принужден был возвратиться из-за непроходимого льда. Думаю я, что виденные с берега горы находятся не на острове, а на такой же пространной земле, как земля чукчей. Правда, с высоких Шелагских утесов на севере не видно никакой земли, но полагаю, что против того места, откуда видятся высокие, снегом покрытые горы, земля эта образует мыс, далеко выдающийся в море. Отец мой рассказывал мне, что в давние времена один чукотский старшина со своими домочадцами отправился на эту землю на большой кожаной байдаре, но что он нашел там и возвратился ли оттуда, неизвестно. Если случится вам побывать у чукчей, жителей селения Ирк-Кайпии (у мыса Северного), они расскажут вам, что когда-то давно, лет 200 тому назад, разгорелась вражда между старшиной живших здесь онкилонов Крехаем и главой оленных чукчей, Ерримом. Крехай со всеми своими родными, на 15 байдарах, ушел на незнакомую землю, в ясные солнечные дни видимую с мыса Якана, а на следующий год туда же ушел еще один чукча, родня Крехая, со всеми своими домочадцами и оленями. Эта отдаленная Северная земля и теперь, наверно, населена“.

Просидев всего часов около двух и получив в подарок изрядное количество табаку, камакай и его спутники отправились к себе, повидимому, очень довольные знакомством и оказанным им приемом, обещав при этом приехать на следующий день.

А на следующий день палатка и одеяла были свернуты, нарты нагружены, и отряд Врангеля продолжал

путь через перешеек Шелагского мыса на восточную его сторону и дальше на восток вдоль берега моря. К морозу в 26° присоединился сильный северный ветер. Началась снежная метель, не позволявшая отличать берег от поверхности моря. Измученные люди и собаки остановились на ночлег в устье небольшого ручейка.

Через день Врангель дошел до устья реки Веркон (теперь губа Нольде) и отсюда 25 марта, нагрузившись, сколько было можно, выкидным лесом (плавником) для топлива, оставил берег, направляясь по льду прямо на север в открытое море, в поисках неизвестной земли.

В четырех километрах от берега часть запасов с большими предосторожностями была зарыта в лед, а освободившиеся нарты были отправлены в Нижне - Колымск.

26 марта, проехав около 18 км в северо-восточном направлении по довольно гладкому льду, отряд был остановлен огромными торосами, через которые пришлось прорубать дорогу пешнями.

В следующие дни продвигаться вперед стало еще труднее.

Ночью на 30 марта сильный западный ветер перешел в шторм и разломал лед вокруг лагеря. Лагерь оказался на большой крепкой льдине, метров 100 в поперечнике. Кругом же по всем направлениям лед с грохотом трескался, полыньи росли, доходя до 30 м ширины. Скоро кругом образовалось большое пространство чистой воды. Льдина, на которой находились 6 путешественников, носилась по морю. В темноте, в шторм, в страшном грохоте ломающегося льда Врангель и его спутники ежеминутно ожидали смерти.

Но наступило утро, ветер переменился, лед сдвинулся, и к вечеру снова образовался неподвижный

ледяной покров. Небо прояснилось, но на севере поднимался густой туман. Повидимому, на севере близко лежало открытое море, отнимая надежду проникнуть далеко в этом направлении.

Несмотря на это, Врангель еще три дня пробирался вперед, прорубая себе путь через стены торосов, обходя все растущие полыньи и иногда переезжая через них по тонкой ледяной коре.

Лед становился все ненадежнее. 3 апреля в виду недостатка корма для собак Врангель отправил назад к складу продовольствия еще две нарты и пытался итти дальше на север только с двумя санями.

4 апреля к вечеру начался ветер, небо покрылось тучами, и по всей северной части горизонта поднимались темно-голубые испарения, указывавшие на близость моря. Но Врангель все продолжал двигаться вперед. Пройдя еще несколько километров, он подошел к краю огромной полыньи, простиравшейся на восток и на запад до краев горизонта и совершенно преграждавшей ему путь.

Все влезли на самый высокий торос, но, увы, с вершины его увидели только необозримое открытое море.

„Величественно-ужасный и грустный для нас вид!— пишет Врангель...

Может быть, нам удалось бы по плавающим льдинам переправиться на другую сторону канала, но то была бы только бесполезная смелость, потому что там мы не нашли бы уже твердого льда. Даже на нашей стороне от ветра и силы течения в канале лед начал трескаться, и вода, с шумом врываясь в щели, разрывала льдины и раздробляла ледяную равнину. Мы не могли ехать далее,

С горестным удостоверением в невозможности преодолеть поставленные природою препятствия, исчезла и последняя надежда открыть предполагаемую нами землю, в существовании которой мы уже не могли сомневаться. Должно было отказаться от цели, достигнуть которой постоянно стремились мы в течение трех лет, презирая все лишения, трудности и опасности. Мы сделали все, чего требовали от нас долг и честь. Борьба с силою стихий и явной невозможностью было безрассудно, и еще более—бесполезно. Я решил возвратиться“.

С тяжелым чувством Врангель и его спутники повернули обратно. Надо было спешить. Следы проложенной сюда дороги исчезли. Вся поверхность льда находилась в движении. Широкие трещины и полыньи бороздили ее во всех направлениях. Иногда льдины бывали так малы, что на них нельзя было поместить нарт со всею упряжкой. Тогда собаки сталкивались в воду и переплывали на другую сторону, таща за собою льдину с санями. Так дошли они до второго склада припасов. Все зарытое во льду и нарты нашлись в целости. Однако из-за недостатка нарт часть запасов пришлось оставить на месте. На четвертый день Врангель и его спутники оказались на большой льдине, со всех сторон окруженной трещинами и полыньями. Наступала буря. Они решили переждать ее на месте.

„Вид взволнованного полярного моря,—пишет Врангель,—был ужасен. В мучительном бездействии смотрели мы на борьбу стихий, ежеминутно ожидая гибели. Три часа провели мы в таком положении. Льдина наша носилась по волнам, но все еще была цела. Внезапно огромный вал подхватил ее и с невероятною силою

бросил на твердую ледяную массу. Удар был ужасен, оглушительный треск раздался под нами, и мы чувствовали, как раздробленный лед начало разносить по волнам. Минута гибели нашей наступала. Но в это роковое мгновение спасло нас врожденное человеку чувство самосохранения. Невольно бросились мы в сани, погнавши собак, сами не зная куда, быстро полетели по раздробленному льду и счастливо достигли льдины, на которую были брошены. То был неподвижный ледяной остров, обставленный большими торосами. Мы были спасены...“

Через несколько часов Врангель и его мужественные спутники были уже на твердом берегу.

Так окончилось четвертое и последнее путешествие Врангеля по льду в открытое море, в поисках неизвестной земли.

От устья р. Веркон он прошел, описывая берег, дальше на восток до губы Колючинской, неоднократно встречался с чукчами и собрал много интересных сведений об этом народе. От губы Колючинской он направился обратно в Нижне-Колымск, куда и вернулся благополучно со всеми своими спутниками 22 мая 1823 г.

Между прочим Матюшкин 9 апреля (приблизительно от мыса Якан) еще раз попытался на трех нартах проникнуть на север в море, но огромные полыньи в расстоянии всего 17 км от берега заставили его отказаться от этого намерения и вернуться назад.

1 декабря 1823 года Врангель оставил Нижне-Колымск после 3-летнего в нем пребывания.

Его замечательные путешествия были окончены. Результаты его работ, в многом сохранившие свою ценность до наших дней, были огромны.

Но географические вопросы оставались все же не вполне разрешенными.

Никакой земли против устья Колымы не оказалось. Не нашел земли Врангель и против мыса Шелагского. После его работ стало совершенно ясно, что Америка не лежит в недалеком от Сибирского берега расстоянии и что она не связывается с Азией перешейком у Шелагского мыса.

Но вопрос о земле против мыса Якана для многих оставался открытым. Сам Врангель, несмотря на то, что он не достиг этой земли, был убежден в ее существовании.

На составленной им карте прямо на север против мыса Якана в 128 км от берега была нанесена гористая земля и рядом с ней сделана надпись: „Горы видятся с мыса Якона в летнее время“.

71

71

Зори видятся с мыса
Якона в летнее время

Полое море по толку
щейся старой лед
несу-

Путь 1823 года

М. Кибери

Море

изломало на обратном
пути полынни

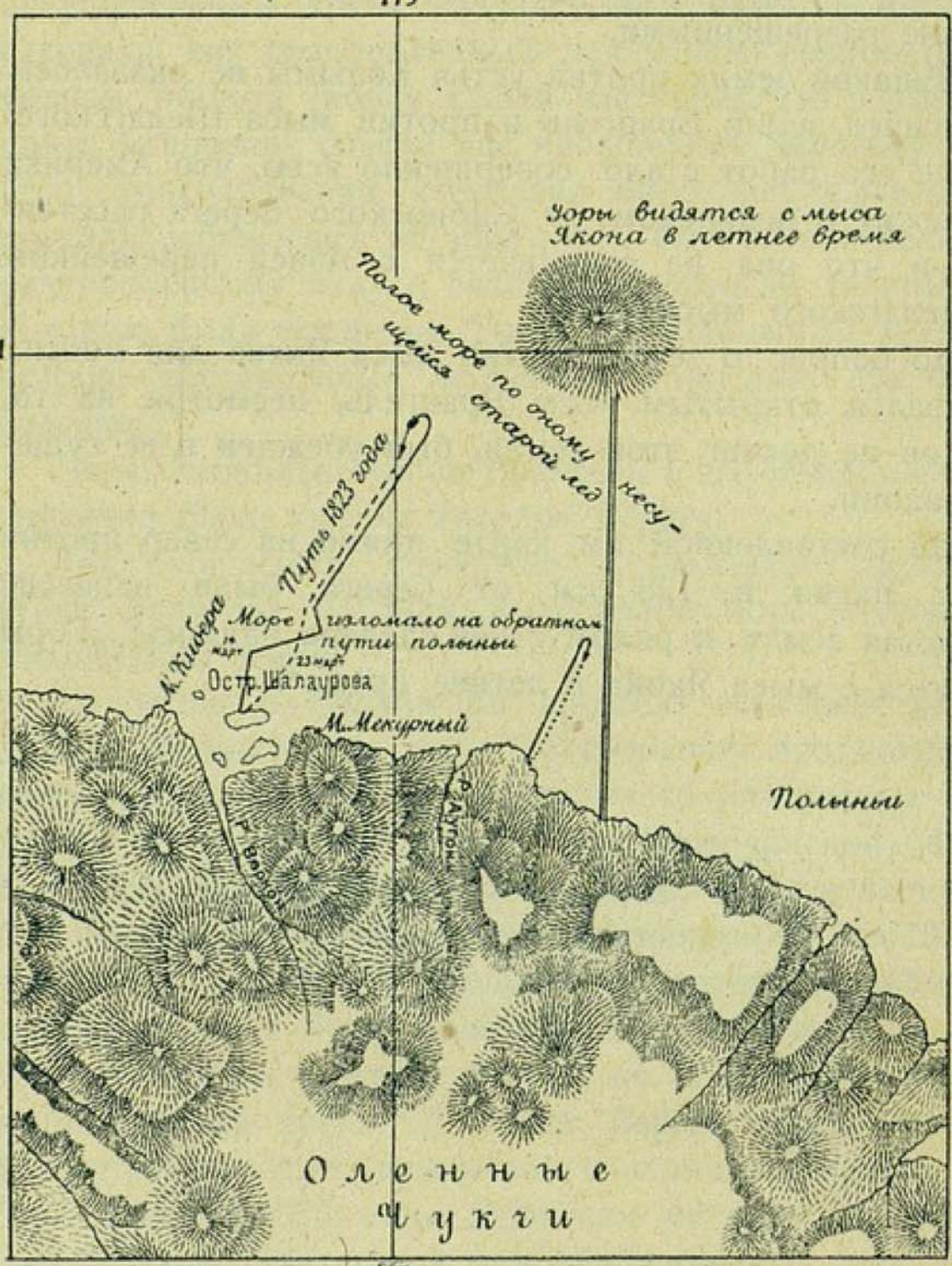
Остр. Шалаурова

М. Меркурий

Полинны

О л е н н ы е
ч у к и

Копия с карты Ф. П. Врангеля,

ГЛАВА III

НЕ ЗЕМЛЯ, А ОСТРОВ

Споры о земле. — Земля открыта. — Американские суда „Корвин“ и „Роджерс“. — Не земля, а остров. — Первое посещение. — Экспедиции в глубь острова. — Ледокол „Вайгач“

Время шло... Путешествия Врангеля стали известны далеко за пределами России. Земля, нанесенная им на карту, вызывала ожесточенные споры. Одни не сомневались в ее существовании. Другие считали ее вымыслом, подобных которому уже много было в прошлом и который не замедлит рассеяться при первом же посещении того места, где Врангелем на карте была обозначена земля.

За это время быстро оживало северо-западное побережье Америки, и американские суда, охотясь за китами, мало-по-малу стали выходить из Берингова пролива на север и плавать в Сибирском море у наших берегов. Но от них долго не приходило никаких сведений о таинственной земле, нанесенной Врангелем на карту.

Плавания отдельных судов различных экспедиций, изредка заходивших в эти воды, долгое время также не вносили ясности в вопрос о существовании Врангелевой земли, но, напротив, только углубляли спор, происходивший по этому поводу.

В августе 1849 года, в поисках пропавшей экспедиции Франклина, капитан Келлет, командир английского

экспедиционного судна „Геральд“, открыл в море небольшой островок, названный им, по имени судна, островом Геральд. Он высадился здесь, поднял на островке английский флаг и присоединил его к владениям королевы Виктории. Вечером того дня, когда он открыл этот островок, он увидел на запад от него ясно выступавшие вдали вершины каких-то гор. Ему казалось, что далеко на запад и на север он видит очертания большой земли, а перед нею (на запад же) — группу островов с невысокими холмами.

В существовании открытых им островов Келлет несколько не сомневался и назвал их островами Пlovera, по имени второго судна экспедиции.

Замеченная же им за этими островами большая земля вскоре появилась на картах Английского Адмиралтейства под именем „Земли Келлета“ или „Гор, усмотренных „Геральдом““. Земля эта была обозначена на карте немного восточнее земли, нанесенной на карту Врангелем.

Открытие капитана Келлета произвело большое впечатление. Сторонники Врангеля были убеждены в том, что это — та самая земля, к которой Врангель так упорно и безрезультатно стремился в последнем своем путешествии.

Однако шесть лет спустя Роджерс, командир американского экспедиционного судна „Винсент“, работавшего в Восточно-Сибирском море, донес, что, находясь на том самом месте, где на карте обозначены острова Пlovera, он на 30 миль кругом себя не видел никакой земли.

Настала очередь торжествовать тем, кто не верил в существование земли, нанесенной Врангелем на карту.

Плавание „Винсента“, говорили они, ясно показало, что никакой земли в этом месте нет.

Тем не менее сторонники Врангеля не считали себя побежденными. Вопрос об этой земле продолжал обсуждаться в различных географических обществах, оставаясь волнующей географов загадкой. То обстоятельство, что „Винсент“ не видел ее, не могло еще считаться бесспорным опровержением ее существования. Из опыта многих полярных экспедиций уже было известно, как ненадежно полагаться на свои зрительные впечатления. Часто туман, густые испарения моря и действие рефракции заставляли путешественников видеть несуществующие острова и земли. Но с другой стороны, такие же атмосферные явления скрывали от взоров действительно существующие земли. Все это было уже хорошо известно и заставляло к сведениям командира „Винсента“ относиться с большой осторожностью.

Прошло еще 12 лет после плавания „Винсента“, и вдруг круги географов всех стран облетело сенсационное известие. Американец Лонг в 1867 г., плывя на своем китобойном судне вдоль побережья Сибири до Чаунской губы и повернув отсюда на север, а потом на восток, совершенно ясно, в расстоянии 15—18 миль, увидел берега неизвестной земли. Лонг определил положение открытого им берега и, оставляя его к северу от себя, прошел вдоль него с запада на восток. Лонг определил приближенно его протяжение, ясно различив при этом Западный и Восточный мысы. В своем заявлении по поводу сделанного открытия Лонг сообщал, что он назвал открытую им землю именем Врангеля. Приводя выдержки из труда этого знаменитого

русского путешественника, Лонг указывал на то, что именно Врангель первый дал миру сведения о ее существовании.

В том же году еще несколько американских китобоев посетили эту землю и сообщили, что никаких островов Пlovera не существует, и что острова эти — не что иное, как холмистая восточная часть открытой земли.

А в 1869 году посетивший ее капитан Бливен высказывал мнение, что она тянется на много сотен миль к северу, и тем самым является частью предполагаемого некоторыми „Арктического континента“.

Открытие Лонга и все эти сведения положили конец спорам о Врангелевой земле, как ее теперь называли. Несомненно она существовала. Южный берег ее был открыт и положен Лонгом на карту. Но это несколько не уменьшало интереса к ней. Что же это за земля, каковы ее действительные размеры, далеко ли она тянется на север, есть ли на ней постоянное население? Вот вопросы, которые все еще оставались неразрешенными. Для этого надо было посетить землю и осмотреть ее.

Много лет спустя после открытия Лонга в некоторых германских журналах появились сведения о том, что некий капитан Далльман в августе 1866 года высаживался на южном берегу Врангелевой земли и видел здесь много мускусных быков и оленей. Но сведения были очень скудны и туманны. И было странно, что об этом посещении было напечатано только 15 лет спустя.

Летом 1878 года под командой лейтенанта Де-Лонга в Северное Полярное море с научными целями вышла

яхта „Жаннета“, принадлежавшая Беннету, редактору газеты „New York Herald“. Уже третий год о ней не было никаких сведений, и судьба яхты внушала всем серьезные опасения. Повидимому, где-нибудь в высоких широтах она была затерта льдами и раздавлена ими, а экипаж яхты искал спасения, направляясь по льду к ближайшему берегу.

Кроме того, не было сведений о двух китобойных судах, ушедших из Берингова пролива на север и не вернувшихся обратно в Америку.

Надо было не медля организовать поиски пропавших судов и их экипажей. В Америке шли энергичные приготовления спасательных экспедиций.

Для этих целей были выбраны два судна: первое „Корвин“, под командой капитана Хупера, и второе — главное судно экспедиции — пароход „Роджерс“, под командой капитана Берри.

Поскольку в существовании земли Врангеля сомневаться не приходилось, легко было предположить, что экипаж погибших судов мог искать убежища на этой земле. С другой стороны, было принято во внимание, что эта же земля могла служить хорошей базой судам спасательной экспедиции, где в случае нужды они могли бы остаться на зимовку.

Словом, в поисках „Жаннеты“, „Корвин“ и „Роджерс“ должны были посетить землю Врангеля и осмотреть ее.

„Корвин“ вышел из Сан-Франциско 3 мая 1881 г., „Роджерс“ — 16 июня.

23 августа 1881 года по чистой воде в густом тумане „Роджерс“ подходил к тому месту, где на карте была обозначена Врангелева земля. К вечеру туман стал подниматься. Вся команда была вызвана наверх, чтобы

насладиться видом открывавшейся на горизонте Врангелевой земли.

„С чувством горделивой радости, — пишет один из участников, — мы подходили к этой таинственной и до сих пор еще неизвестной земле“.

Она влекла к себе как своею неизвестностью, так и тем, что она могла быть последним убежищем экипажа несчастной „Жаннеты“. Но то, что все увидели на горизонте, было похоже скорее на клочок тумана, чем на землю, и вызвало оживленные споры о том, земля это или нет. Между тем быстрое падение температуры воды указывало на близость льдов.

Прошло немного времени, и показался лед на севере, на западе, а потом и на восточной стороне горизонта. Скоро „Роджерс“ оказался среди густого льда и стал на якорь. По временам отдельные льдины ударялись о судно, не причиняя однако ему никакого вреда.

За ночь весь лед разнесло поднявшимся ветром. На утро стояла ясная, холодная погода. Высокие горы Врангелевой земли резко выступали в северной части горизонта, а к востоку от них был виден небольшой остров Геральд, узкий и высокий утес, метров на 200 поднимавшийся над поверхностью моря.

„Роджерс“ подошел к этому острову. Часть экипажа высадилась на берег. В несколько часов весь остров был осмотрен. Никаких следов „Жаннеты“ здесь не оказалось. Зато с вершины острова в изумительно прозрачном воздухе была ясно видна Врангелева земля. Она тянулась с юга на север гораздо меньше, чем кто-либо думал. А на север от нее, насколько хватало зрения, никакой другой земли не было видно. Повидимому, это была не земля, а просто остров. Но остров

этот лежал у всех перед глазами, и никто больше не мог считать его вымыслом. Всех охватило нетерпение. Всем хотелось скорее ступить на его таинственные берега.

От острова Геральда „Роджерс“ пошел прямо к резко окраенному мысу Гавай, юго-восточной оконечности Врангелевой земли. Утром на следующий день он был остановлен в 12 милях¹ от этого мыса сплошной полосой льда, прижатой к берегу и тянувшейся далеко на север. Нетерпение сменилось досадой. Неужели лед не позволит подойти к этому желанному берегу?

Решено было пробиваться через лед, пользуясь разводьями и полыньями. По мере приближения к берегу все большее волнение охватывало экипаж „Роджерса“. Возбуждение росло. Когда лед преграждал путь судну, нетерпение выражалось яростными возгласами. Когда же „Роджерс“ отыскивал канал чистой воды, члены экспедиции радостно улыбались и строили заманчивые предположения о том, что они ожидали встретить в непродолжительном времени. И трудно сказать, на что они смотрели с большей надеждой, на лежавший ли перед ними берег или на человека, сидевшего на марсе и указывавшего оттуда лучший путь судну, с трудом пробивавшемуся в узких разводьях. Только черная свинья, прозванная почему-то Рафаэлем, три кошки и щенок не разделяли общего волнения и, пользуясь хорошей погодой, спокойно занимались на палубе своим обычным делом.

Спустя несколько часов „Роджерс“ вышел в узкую полосу чистой воды под самым берегом и стал на якорь

¹ Одна морская миля — 1,85 км. *Прим. автора.*

в расстоянии около мили от него. Тотчас были спущены две шлюпки, и несколько членов экспедиции съехали на берег. Высадившись на плоскую длинную косу, они три раза прокричали „ура“. С „Роджерса“ им восторженно отвечали такими же радостными криками. Тут же были пущены две ракеты, высоко в небе рассыпавшиеся разноцветными, светлыми звездами. Все радостно поздравляли друг друга. Врангелева земля действительно существовала. Еще немного, и тайна ее будет окончательно раскрыта. Пока же взоры всех с невольным любопытством впивались в пустынный плоский берег и поднимавшиеся вдали высокие черные горы, покрытые пятнами снега.

Бывшие на берегу рассказывали, что за узкой косою, между ней и цепью ближайших холмов, глубоко в берег вдается бухта, удобная для безопасной стоянки судна.

На следующий день рано утром для обследования этой бухты была отправлена шлюпка. Действительно, за косой оказалась превосходная, достаточно глубокая гавань, в которую тотчас перешел „Роджерс“ и которая с тех пор получила название гавани Роджерса.

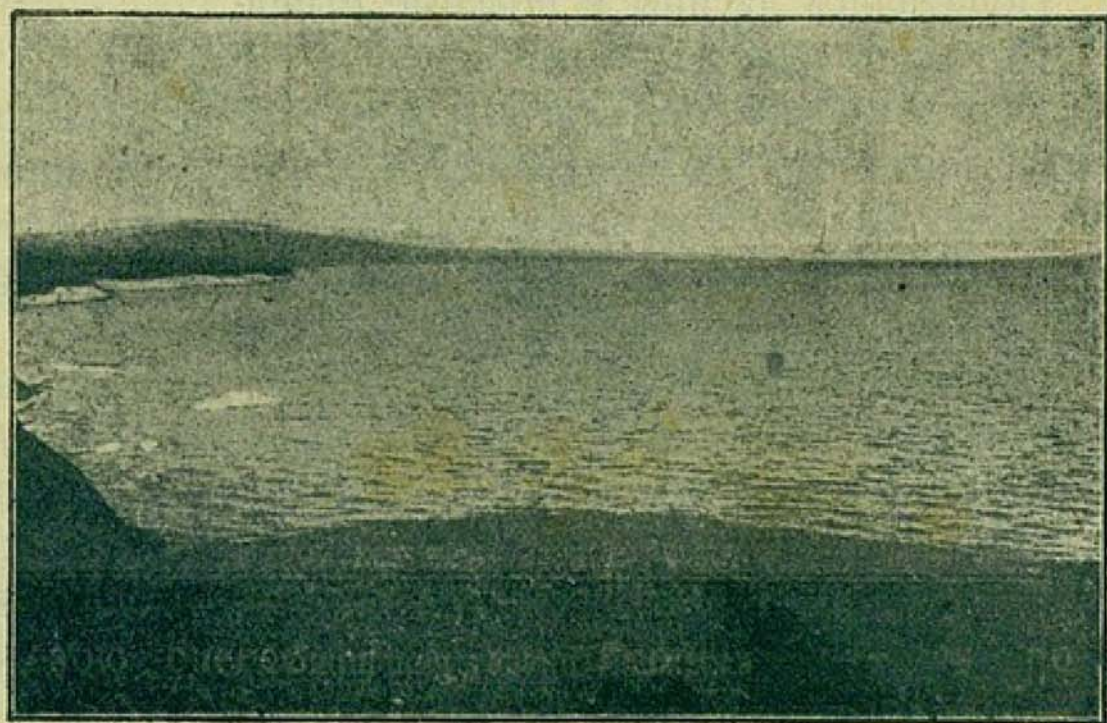
Начались приготовления к экспедициям, которые в поисках экипажа „Жаннеты“ должны были осмотреть всю землю или, вернее, остров, в чем никто уже не сомневался.

Первый отряд под начальством капитана „Роджерса“ Берри должен был направиться к северу и достигнуть самого высокого пункта острова, с которого можно было бы видеть весь остров с его берегами.

Второй отряд под руководством лейтенанта Уэринга должен был на шлюпке обойти остров по восточному берегу и выйти на северную его сторону.

Третий с мичманом Хентом во главе отправлялся с такой же задачей вдоль западного берега.

Все были в достаточно бодром настроении и, может быть, не вполне даже отдавали себе отчет в тех трудностях и лишениях, которые им предстояло встретить на пути.

Общий вид гавани Роджерса.

Три отряда почти одновременно разошлись в разные стороны для того, чтобы только через две недели снова встретиться на палубе „Роджерса“.

Оставшиеся члены экспедиции, пользуясь великолепной штилевой погодой и ясными солнечными днями, производили съемку прилегающей полосы берега, астрономические и магнитные наблюдения и занимались охотой. Особенно удачна была охота на моржей, которых они в большом количестве нашли на ледяных полях вблизи острова, а также на белых медведях. Правда,

последние иногда причиняли много хлопот, заставляя долго преследовать их по берегу, прежде чем охотникам удавалось их прикончить.

Кругом было много птиц, которые одни своими криками постоянно нарушали тишину острова.

Попадались лисицы и полевые мыши.

Других зверей не было видно.

Между прочим не было видно ни оленей, ни мускусных быков. Все это приводило к мысли, что капитан Дальман был вовсе не здесь, а где-то на другом острове.

Не было вблизи и следов человеческого пребывания. Была пустыня, девственная и суровая.

На косе в гавани „Роджерса“ так же, как и вообще на южном его берегу, оказалось много выкидного леса, много обломков судов и разной утвари туземцев с сибирских и американских берегов. Но никак нельзя было решить, пишет один из членов экспедиции, являлись ли все эти предметы свидетелями кораблекрушений и голодной смерти или просто случайно были занесены сюда морем.

Хорошая погода обманула все ожидания и заставила было забыть о том, что гавань Роджерса находится на далеком Севере. Но на третий день после ухода отрядов начался шторм. Длинная коса, образованная намытой галькой, служила „Роджерсу“ надежной защитой.

Через неделю к вечеру, во время непогоды, с косы раздался громкий крик, покрывший непрерывный рев бушующего ветра. На „Роджерсе“ узнали голос капитана Берри. На косе сквозь пелену поднимавшейся метели можно было различить его с одним из спутников. Остальных не было.

Посланная за капитаном шлюпка с трудом добралась до берега. Через полчаса капитан Берри, обросший и грязный, мокрый с головы до ног, радостно жал руку своему помощнику и остальным встретившим его членам экспедиции. Оказалось, что остальные его спутники в полном изнеможении остались на берегу в глубине гавани. Все они устали от непривычной ходьбы по острову, а кроме того, каменистый грунт, изрезавший обувь, изранил их ноги. Капитан Берри нарочно оставил своих спутников, а сам отправился вперед, чтобы прислать за ними с „Роджерса“ шлюпку.

Шлюпка тотчас была спущена, и во главе „спасательной“ экспедиции был отправлен боцман Ходжсон, уже бывавший в полярных водах и умевший управляться со шлюпкой в подобных условиях.

Двое спутников капитана Берри были найдены на склоне холма без сознания, совершенно засыпаемые снегом.

Поиски продолжались, но последние два человека из отряда капитана Берри все еще не были найдены.

И только на следующее утро на „Роджерсе“ опять услышали громкий крик. На этот раз он доносился не с косы, а с берега острова. Радость всех была неописуема, когда на берегу разглядели двух пропавших спутников капитана Берри, проведенных, как потом оказалось, на камнях памятную для них ночь под дождем и снегом. Потом нашли еще одного, тоже в беспомощном положении.

Капитану Берри с его отрядом удалось проникнуть в глубь острова. Он дошел почти до северо-западной его оконечности и поднимался на вершину, господствовавшую, как казалось издали, над всем островом. Эта

вершина, расположенная почти в самой середине острова, по определению капитана Берри, имеет высоту в 720 м над уровнем моря. Великолепный вид, открывавшийся с нее, не оставлял никаких сомнений в том, что Берри и его спутники находились не на земле, а на острове. Весь он был виден с этой вершины, как на ладони, за исключением небольшого куска в юго-западном направлении, скрытого цепью гор значительной высоты. Остров имел продолговатую форму и тянулся в направлении с запада на восток. Во всю его длину, рядами отдельных вершин, тянулись три цепи гор, покрытых снегом и изрезанных долинами стекающих с них ручьев. Кое-где на южных склонах виднелись бурые пятна растительности, оживлявшие голую каменистую пустыню в это короткое летнее время. На север и на юг от острова уходили длинные косы. На восток и на запад таких кос не было видно. Кругом острова до краев горизонта уходили ледяные поля, и только на юге было чистое море, отливавшее бледной синевой на ярком солнечном свете.

Вершина, с которой Берри осматривал остров, находилась в средней цепи гор и действительно господствовала над островом. Ей было дано название „пик Берри“. Под этим названием она и теперь значится на карте. Подъем на нее и весь путь по разлогам гор был очень труден и скоро утомил непривычных спутников Берри.

На всем пути Берри не встретил никаких следов человеческого пребывания. Он не нашел ни экипажа „Жаннеты“, ни каких-либо жителей острова. Попадавшиеся ему белые медведи проявляли больше любопытства, чем страха. Из остальных его находок особого упоминания

заслуживает великолепно сохранившийся клык мамонта. Позднее их было еще несколько штук найдено американцами на острове.

Через несколько дней после капитана Берри благополучно, но без шлюпки по берегу возвратился и отряд лейтенанта Уэринга, состоявший, кроме него самого, из пяти человек. Приключения этого отряда были таковы.

Сопровождаемый громкими криками „ура“, пользуясь благоприятным ветром и хорошей погодой, отряд в бодром настроении отвалил от борта „Роджерса“, обогнул косу и в тот же день к вечеру достиг юго-восточной оконечности острова, мыса Гавай.

По словам одного из участников, ничем не нарушенный сон и гордое, „возвышающее душу“ сознание того, что проводишь ночь в палатке при 3° мороза на острове Врангеля, сделали пребывание отряда в этом месте очень приятным и оставили о нем самое хорошее воспоминание.

На следующее утро Уэринг обошел на шлюпке мыс Гавай и стал на якорь в устье ручья у небольшого островка, где были найдены скелеты большого кита и моржа, давшие повод присвоить островку название Скелетон.

Здесь внимание Уэринга было привлечено несколькими кусками дерева, торчавшими на берегу и, по всем признакам, воткнутому с намерением. Приглядевшись к берегу, он заметил и следы людей, которые вели к ближайшему утесу. Он направился туда и скоро увидел флагшток, с висевшими на нем клочками материи, которые оказались остатками флага Северо-Американских Соединенных Штатов. К флагштоку была привязана

бутылка, в которой были найдены № газеты „Нью Йорк Геральд“ от 22 марта 1881 года и две записки. Из них было ясно, что „Корвин“ был здесь на две недели раньше „Роджерса“, что следов „Жаннеты“ найдено не было и что на острове им был оставлен провиант.

Подлинники обоих документов были взяты Уэрингом с собою, а на их место оставлены копии. Пробыв здесь несколько часов, отряд на шлюпке отправился дальше вдоль восточного берега. Берег был приглубым, и шлюпка шла почти вплотную к нему. Никаких кос здесь не было. Высокие горы острова, которые тянулись цепями вдоль него и полого опускались к берегу на юге и на севере, здесь холмами подходили вплотную к берегу и сланцевыми утесами круто обрывались в море. Уступы утесов кишели птицами, крики которых наполняли воздух, заглушая шум морского прибоя. Охотники получили здесь хорошую добычу. В некоторых местах на узкой полосе берега попадались бревна плавника (выкидного леса).

По мере продвижения на север начал встречаться лед, и путь становился все труднее. Недалеко от высокого мыса, отмечавшего крайнюю северо-восточную оконечность острова, пришлось вовсе остановиться и вытащить шлюпку на берег.

Наутро Уэринг с одним из спутников решили влезть на поднимавшийся к северу от них мыс, чтобы с него осмотреть море и остров. Открывшаяся с вершины мыса, названного с тех пор по имени Уэринга, великолепная панорама отчасти вознаградила их за все трудности подъема. Отчасти — потому, что на север и на восток, сколько хватал глаз, все море оказалось покрытым льдом.

Был ясный день. На востоке на ослепительном фоне льда черным утесом выделялся остров Геральд.

На севере до края горизонта не было видно больше никакой земли. Ледяными полями на север уходило море.

На запад тянулся северный берег Врангелевой земли. Берег этот был совершенно плоский. Горы опускались к нему пологими склонами, но подходили к берегу ближе, чем на юге. От берега выдавались в море на север несколько длинных, низких кос. В глубоких бухтах между косами сплошными массами лежал лед.

Все это было очень красиво, но неутешительно.

Скоро все снова были в шлюпке, но только через несколько часов Уэрингу удалось обогнуть северо-восточный мыс острова. Продвигаться дальше вдоль северного его берега становилось все труднее...

В конце концов пришлось вытащить шлюпку на берег.

Больше суток густой туман задержал их на месте, а потом поднялся резкий северный ветер, сплотивший массу льда у самого берега.

Нечего было и думать о том, чтобы продолжать путь на шлюпке. На ней нельзя было двигаться ни вперед, ни назад.

Уэринг никак не хотел помириться с таким печальным концом своей экспедиции. Тем не менее, несколько дней положение льда оставалось без перемен. Потом началась снежная метель, та самая, во время которой капитан Берри вернулся к „Роджерсу“. Решено было возвращаться обратно.

С сожалением все принялись за последние приготовления. Шлюпку вытащили в такое место, где прибой не мог бы достать до нее. Она была перевернута

вверх килем и зарыта в берег. На одном из ближайших холмов была поставлена мачта, а возле нее в землю зарыта записка, с указанием предполагаемого пути возвращения.

Обратный путь вдоль северного берега с большим грузом за плечами оказался страшно тяжелым.

Шли голодные и продрогшие до того, как наступившая темнота сделала дальнейшее продвижение невозможным, несколько часов отдохнули и только на следующий день к вечеру достигли восточного берега.

Отсюда, карабкаясь по утесам, пересекая ряды холмов, под снегом и дождем они добрались до гавани Роджерса.

Никаких следов „Жаннеты“ Уэрингом найдено не было. Не было найдено никакого населения. Научные результаты были невелики. Но зато впервые была осмотрена большая часть побережья острова.

На „Роджерсе“ ожидали теперь возвращения третьего отряда, возглавлявшегося мичманом Хентом. Срок возвращения был назначен на 10 сентября. Однако в этот день ожидания были напрасны. Кое-кто уже начал проявлять естественное беспокойство. Следующий день наступил и проходил в томительном ожидании, когда к вечеру на ярком оранжевом фоне неба увидели шлюпку, шедшую с моря под парусами.

Плавание этой шлюпки, вышедшей на запад одновременно с отрядом Уэринга, началось однако менее удачно, чем плавание этого отряда. Ветер, бывший благоприятным для уходившей на восток шлюпки Уэринга, оказался противным для шлюпки Хента и заставлял все время лавировать и даже итти под веслами. С другой стороны, южный берег острова за гаванью Род-

жерса был очень изрезан и так же, как северный берег, выделял от себя длинные косы, тянувшиеся здесь в юго-западном направлении. Приходилось обходить их. К вечеру, остановившись на ночлег, Хент увидел, что за весь день он удалился всего лишь на 9 миль от „Роджерса“.

На следующий день случилось приключение, доставившее самому Хенту несколько неприятных ощущений.

В одном месте на берегу он увидел какой-то предмет, показавшийся ему искусственным сооружением. Шлюпка немедленно подошла к берегу. Хент выскочил на камни и стал подниматься по крутому склону. Едва поднявшись, он вдруг увидел шагах в шести от себя огромного белого медведя, лениво шедшего вперевалку и тянувшего носом в направлении шлюпки. Хент в первый момент остолбенел. Медведь медленно повернул к нему голову. Несколько секунд оба они с недоумением смотрели друг на друга. Потом Хент повернулся и бросился бежать, скатываясь по склону берега к шлюпке и крича, чтобы ему дали винтовку. Медведь же в свою очередь стал вперевалку спускаться к морю.

Но он не успел дойти до края воды. Раздались один за другим три выстрела, медведь сначала осел, а потом растянулся на земле. Отряд получил прекрасную добычу.

На третий день шлюпка Хента обогнула юго-западный мыс острова, вернее, далеко вдавшуюся в море низкую косу, и пошла на север вдоль западного его берега. Так же, как на восточном берегу, горы здесь не подходили к морю отлогими склонами, а круто в него обрывались. Уже на следующий день шлюпка

встретила лед. Еще через день с трудом обогнули они северо-западный мыс острова и продолжали двигаться на восток по северному его берегу, подобно тому как несколькими днями раньше отряд Уэринга шел по этому же берегу с востока в обратном направлении.

Лед и здесь лежал сплошными массами, но кое-где не заполнял всех бухт между косами. У самого берега в некоторых местах оставалось много чистой воды, но здесь было так мелко, что шлюпка то-и-дело становилась на грунт. Дойдя до крайней северной точки побережья и убедившись в невозможности продвигаться дальше, Хент и его спутники отправились обратно. Еще через 5 дней, не обнаружив никого и ничего на своем пути, они благополучно вернулись к „Роджерсу“.

Этим, в сущности, и окончилось пребывание „Роджерса“ на острове. Через несколько дней он ушел отсюда и еще долго крейсеровал в этих водах, заходя в ледяные поля. Он не проник далеко на запад, но дошел до $73\frac{3}{4}^{\circ}$ сев. широты. Больше никакой земли, а также никаких следов „Жаннеты“ в этой области им найдено не было.

Таким образом после „Корвина“ „Роджерс“ был вторым судном, посетившим этот остров.

Но „Корвин“ ограничился лишь оставлением запасов и поднятием флага Северо-Американских Соединенных Штатов, при чем командир его, Хупер, доносил своему начальству о присоединении острова к Соединенным Штатам и о наименовании его „Новой Колумбией“.

Поэтому „Роджерса“ следует признать первым судном, которое осмотрело остров и впервые доставило всему миру достоверные сведения о нем.

Правда, Врангелеву землю (или землю Келлета, как она значилась на английских картах) нельзя было назвать землею. Это был именно остров, и притом небольшой (около 60 миль в длину и 17 в ширину, не считая прибрежных кос), который при благоприятных условиях свободно можно обойти в несколько дней на шлюпке. Но это нисколько не умаляло ценности географических предположений Врангеля и, уточняя их, только подтверждало их справедливость.

Наконец плавание „Роджерса“ к северу от острова убеждало всех в том, что никакой другой земли в этом направлении, по крайнем мере на 150 миль, не существует. Этим самым опровергались всякие слухи о „большой“ земле, лежащей в этой части Сибирского моря.

Работы „Роджерса“ на острове дали много интересных материалов. Прежде всего весь остров вокруг был осмотрен, была посещена его внутренняя часть. Была составлена первая карта острова, довольно подробная и точная для района, прилегавшего к гавани Роджерса, в остальных же частях весьма приблизительная. Были собраны большие коллекции по флоре и фауне острова, а также образцы горных пород. Словом, американцы сделали большую работу, и остров впервые получил определенные очертания на карте Сибирского моря.

Но при этом американцы отдали должное заслугам Врангеля. По предложению капитана Берри, остров был обозначен на карте под именем „острова Врангеля“.

Тайна острова была раскрыта. Интерес к нему на некоторое время мало-по-малу пропадал.

Проходили годы... И настало время, когда вдруг летом задымил русский пароход, направлявшийся в пер-

вый раз с грузом товаров из Берингова пролива в устье р. Колымы.

Это было в 1911 году. Лето было благоприятное. Льды оставляли свободный проход вдоль побережья. Редко встречая их, пароход сходил в устье р. Колымы и вернулся обратно. Это первое плавание было очень трудным, но не столько из-за льдов, сколько потому, что настоящих руководств для плавания в этом море не было, а имевшиеся карты побережья совершенно не соответствовали действительности. Пароход рисковал наткнуться на берег в тех местах, где на карте было обозначено море, и, наоборот, свободно проходил там, где была суша. Было ясно, что так дальше плавать нельзя.

Между тем успешное плавание парохода с товарами в устье р. Колымы породило надежды на возможность ежегодного совершения таких рейсов, представлявших наилучший способ снабжения населения далеких сибирских окраин. Для этих окраин, оторванных громадными расстояниями от хозяйственных центров, расположенных за стеною необъятных сибирских лесов, море представляло наилучшие пути снабжения, и, как оказалось, этими путями можно и должно было пользоваться.

Но для этого надо было организовать Гидрографическую Экспедицию, которая занялась бы составлением подробных карт побережья и открытых частей Сибирского моря, все еще таивших в себе много неизвестного.

Такая экспедиция была организована Главным Гидрографическим Управлением. Из Петербурга во Владивосток кругом Европы и Азии пришли специально построенные транспорты—ледоколы „Таймыр“ и „Вайгач“,

и уже с 1910 года от м. Дежнева начали съемку побережья и обследование открытых частей Сибирского моря, мало-по-малу продвигаясь на запад.

На второй год работ экспедиции, 28 сентября 1911 года, транспорт „Вайгач“ подошел к юго-западной части острова Врангеля и высадил здесь береговую партию. Пребывание этой партии на острове прошло без всяких приключений, но ознаменовалось рядом работ по исследованию острова.

В юго-западной части острова был определен астрономический пункт. Таким образом эта точка была нанесена на карту с необходимой точностью. На месте этого определения был поставлен железный знак высотой в 10 м, который мог бы служить исходной точкой для дальнейшей съемки острова. После этого была произведена съемка прилегающей местности и магнитные наблюдения. Геологом же экспедиции впервые было определено строение острова.

Кроме этого, „Вайгач“ произвел ряд измерений глубин вокруг северного побережья острова и особенно у его юго-западной части.

В результате этих работ можно было убедиться в том, что карта, составленная американцами, очень неточна и что в нее приходится внести значительные поправки.

Таким образом в результате именно русских работ была впервые получена точная карта острова и прибрежных глубин и значительно пополнены имевшиеся сведения о нем.

Работы „Таймыра“ и „Вайгача“ продолжались в следующие годы дальше на запад, захватывая в то же время далеко на север открытые части Сибирского моря и сопровождаясь рядом географических открытий.

Было открыто и нанесено на карту несколько островов и земля, носящая сейчас название Северной земли и расположенная на север от Таймырского полуострова.

Эти замечательные работы русских моряков, заполнившие новые страницы истории полярных исследований, заставили подумать о формальной принадлежности России всех земель и островов, расположенных к северу от побережий Сибири.

По этому поводу в 1916 г. русское правительство обратилось с соответствующей нотой ко всем иностранным правительствам. К ноте был приложен меморандум, заключающий в себе полный список принадлежавших России северных территорий. Конец меморандума был таков: „Императорское правительство пользуется случаем и подчеркивает, что оно считает следующие острова составляющими неделимое целое с Империей: о. Генриетта, о. Беннета, о. Жаннета, о. Геральд и о. Уединения, которые вместе с Ново-Сибирскими островами, островом Врангеля и другими, расположенными близ азиатского берега Империи, образуют продолжение материка Сибири в северном направлении“.

Эта нота была принята иностранными правительствами и не вызвала с их стороны никаких возражений.

Всем было ясно, что все перечисленные острова, в том числе и остров Врангеля, впервые нанесенный на карту русским исследователем, и впервые точно обследованный русскими, принадлежат России.

ГЛАВА IV

ПЕРВЫЕ ОБИТАТЕЛИ

В. Стефанссон. — Дрейф „Карлука“ со льдом от берегов Америки. — Лагерь кораблекрушения. — По льду на юг, к острову Врангеля. — Ледяной барьер. — На острове. — Шхуна „Кинг и Уинг“ — Восемь лет спустя. — Прения в Канадском парламенте.

В 1913 году известный полярный исследователь, канадец Вильяльмур Стефанссон, при поддержке канадского правительства, готовился к широко задуманной им полярной экспедиции, которая отправлялась на несколько лет и главная задача которой заключалась в обследовании северных берегов Канады и огромного района моря, лежащего на север и северо-запад от Аляски. В состав экспедиции входило несколько судов, в том числе и небольшой китобойный барк „Карлук“, всего лишь 247 тонн водоизмещения.

Командиром „Карлука“ был капитан Роберт Бартлет, ставший известным со времени своего командования „Рузвельтом“, судном экспедиции Пири, с которым он потом в 1909 г. почти достиг Северного полюса.

Сам Стефанссон также находился на „Карлуке“.

Кроме них, на „Карлуке“ было еще 19 человек, в число которых входили гидрологи, магнитологи, геологи и другие специалисты, а также несколько эскимосов. Экспедиция была богато снабжена всем необходимым для научных работ и долгого полярного плавания.

17 июня 1913 г., сопровождаемый приветствиями, „Карлук“ вышел из Эскимальта (в Британской Колумбии) и направился на север.

5 августа „Карлук“ подошел к мысу Барроу, крайнему северному пункту Аляски, и встретил тяжелый лед, не позволивший ему подойти к берегу ближе, чем на 3 мили. Здесь были приобретены последние собаки и несколько кожаных байдар, доставленных на судно туземцами. Здесь же к экспедиции присоединились еще несколько эскимосов и один американец, мистер Хадлей, принимавший до этого участие во многих полярных плаваниях и уже 25 лет проживавший на мысе Барроу. Эскимосов была целая семья: муж, жена и двое детей. Муж считался одним их лучших охотников в этой части Аляски, а жена была превосходной работницей: ей предстояло изготавливать кожаные байдары и шить одежду для экипажа.

6 августа „Карлук“ оставил мыс Барроу и сразу попал в тяжелый лед, в котором с трудом пробивался на восток, пользуясь редкими и узкими полыньями.

15 августа „Карлук“ находился в 20 милях от берега против бухты Камден (около 75 миль на запад от границы между Канадой и Аляской).

„Погода была холодная и ясная, — пишет один из участников экспедиции, — и одетые в снежный покров горы Аляски были все отчетливо видны. Близость земли давала нам уверенность в безопасности, так как лед был прижат к берегу, и мы могли в случае необходимости в любое время покинуть корабль и благополучно достигнуть земли“.

Целый месяц „Карлук“ оставался неподвижным во льду около бухты Камден.

Все убеждало в том, что наступила уже ранняя северная зима. Со стороны моря судно было защищено мощными нагромождениями льда, сидевшими на мели. Начались необходимые приготовления к зимовке. Машины были разобраны. Стефанссон решил отправиться в экскурсию на берег в ближайший горный район для охоты на карибу (канадских северных оленей), чтобы обеспечить экспедицию запасом свежего мяса.

Взяв с собою 5 спутников, из них двух эскимосов, достаточное количество саней с собаками и запас провизии на две недели, Стефанссон 20 сентября простился со всеми и отправился по льду на берег, чтобы никогда больше не увидеть ни „Карлука“, ни многих оставшихся на нем.

На „Карлуке“ оставались: двадцать человек экипажа, два эскимоса, одна эскимоска и двое эскимосских детей: девочки 3 и 11 лет.

„Через два дня после ухода Стефанссона,—говорит тот же участник экспедиции,—густой туман покрыл все кругом. Почти одновременно с туманом начался шторм от юго-востока. Тяжелый лед, стоявший на мели, несколько часов держался неподвижно, но скоро страшный ветер привел его в движение. Измерения глубин показали, что судно вместе со льдом уносит от берега со скоростью свыше 3 миль (около 5,5 км) в час“.

„Карлук“ дрейфовал со льдом на запад вдоль берега Аляски и скоро опять прошел мыс Барроу, где его видели с берега. Отсюда его стало уносить на северо-запад в открытое море. В этом направлении дрейф продолжался до 75° сев. широты, откуда „Карлук“ понесло на юго-запад к Сибирскому берегу.

На судне было тепло, уютно. Провизии было достаточно.

Никто ни в чем не чувствовал недостатка, и, может быть, только один капитан Бартлет сознавал всю тяжесть положения. Вполне отдавая себе отчет в окружающей обстановке, он спокойно принимал меры на случай возможного несчастья.

Прошло почти четыре месяца. „Карлук“, крепко вмерзший в лед, дрейфовал на юг. Строго размеренная жизнь текла своим чередом. Работы чередовались развлечением на свежем воздухе. Тяжесть зимовки в ледяной пустыне, под покровом многосуточной полярной ночи, почти не ощущалась. Иногда лед начинал сдвигаться вокруг „Карлука“. Громадные льдины с грохотом ломались и налезали одна на другую. Торосы подступали к самому судну, угрожая раздавить беспомощный корабль или обрушиться на него тысячепудовою тяжестью. Переборки трещали, корпус судна испытывал страшные напряжения. Проходили томительные минуты. Натиск льда ослабевал. Судно выпрямлялось. Все вздыхали свободно. „Карлук“ был надежным убежищем. Мало-по-малу напоры льда стали обычным явлением.

Отпраздновали рождество. По этому случаю на льду были устроены спортивные состязания. Все пришли в прекрасное настроение. День закончился великолепным обедом, состоявшим из целого ряда вкуснейших блюд, в том числе консервированной спаржи, плумпудинга, кэксов и разных консервированных фруктов.

Неделя между рождеством и новым годом прошла без особых приключений.

По случаю нового, 1914, года был устроен футбольный матч на льду. Этот день также завершился прекрасным обедом.

Никто не предполагал скорого печального конца.

Прошло еще несколько дней.

10 января в 5 часов утра все были разбужены грохотом и треском, раздававшимся вокруг судна. Все выскочили на палубу. По всем направлениям тянулись полыньи. В одной из них находился „Карлук“, сильно сжимаемый льдом с обеих сторон.

Вдруг сразу лед перестал сжиматься. Целый день корабль простоял спокойно. Полыньи росли.

К вечеру опять послышался скрежет сжимающегося льда, который быстро перешел в ужасный грохот, напоминавший стрельбу из тяжелых орудий. Полыньи сомкнулись. Лед сжимал „Карлука“ со всех сторон.

Внутри корабля раздался страшный треск. Лед продавил борт судна, и машинное отделение стало быстро наполняться водой. Положение „Карлука“ было безнадежным. Капитан Бартлет отдал приказание покинуть судно. Часть экипажа была отправлена на находившееся рядом с судном старое ледяное поле, для постройки снежных домов, в то время, как другие перетаскивали запасы и снаряжение с судна на лед. Паники не было. Все работали спокойно и энергично, сознавая опасность положения.

На следующее утро „Карлук“ накренился и стал быстро погружаться в воду. Капитан Бартлет оставил судно последним. Он сошел с него за несколько минут до того, как судно совсем затонуло. В 4 часа дня 11 января 1914 года „Карлук“ скрылся под водой. К утру следующего дня место его гибели затянуло новым льдом...

На старом ледяном поле был разбит „Лагерь Кораблекрушения“, находившийся, как показали астрономические наблюдения, в 80 милях на северо-восток от острова Врангеля.

Лагерь состоял из трех хижин, сделанных из снега и ящиков, с брезентовыми крышами. В каждой была печь, топившаяся круглые сутки. 25 человек, находившиеся на „Карлуке“ в момент его гибели, чувствовали себя в них не плохо.

Однако ледяное поле продолжало дрейфовать с остальной массой всего окружавшего льда. Остаться на месте в лагере кораблекрушения было невозможно. Надо было пробиваться по льду на юг к островам Врангеля и Геральда.

Все находившиеся в лагере кораблекрушения были разделены капитаном Бартлетом на три партии.

Во главе самой большой, состоявшей из 17 человек, остался он сам. Эта партия, по его плану, должна была пробиваться по льду к острову Врангеля.

Другая партия, из четырех человек, во главе со старшим штурманом, Андерсоном, по указаниям Бартлета, должна была идти к острову Геральда.

И наконец, уступая просьбам остальных четырех человек, капитан Бартлет разрешил им отделиться от всех остальных и на свой риск одним идти к острову Врангеля, а оттуда к берегам Сибири.

Уже спустя несколько дней после гибели „Карлука“, капитан Бартлет отправил на остров Геральда первую партию из 4 человек, во главе со старшим штурманом, с снаряжением и провизией. В помощь им было отправлено еще трое, в том числе двое эскимосов, которые

с санями и собаками должны были вернуться обратно в лагерь кораблекрушения.

На следующий день было отправлено еще 2 человека, которые должны были обозначать флагами следы первой партии, а после этого устроить промежуточный склад на полпути до острова Геральда.

Недалеко от лагеря эти двое встретили трех человек, возвращавшихся с санями. Они рассказали, что они почти дошли уже до острова Геральда, но в 3 милях от него вышли на край большой полыньи, переправиться через которую они не могли и которая заставила их вернуться обратно. Остальные четверо из первой партии остались у этой полыньи с санями и всей провизией. Они несомненно достигнут острова, как только состояние льда позволит это!

5 февраля капитан Бартлет снова отправил трех человек с двумя санями дополнительных запасов на о. Геральда и еще двух—для усиления промежуточного склада.

Пополнив промежуточный склад, эти двое присоединились к остальным и пошли с ними к острову Геральда. На пятый день они были уже всего в 3 милях от острова, но увидели, что эти три мили представляют собою сплошную массу торосов до 8—9 м высотой. Перейти их с тяжело нагруженными санями было невозможно.

Остров Геральда огромной черной скалою возвышался перед ними над застывшими вокруг причудливыми ледяными нагромождениями. В сильный бинокль на берегу можно было различить мельчайшие подробности. Но никаких признаков людей не было видно. Старшего штурмана и трех его спутников на острове не было.

В это время поднялся сильный восточный ветер. По всем направлениям образовались трещины и быстро росли. С трудом 5 человек, удерживая собак, сидели на своей льдине. Кто знает, (может быть, те четверо погибли здесь, с собаками и санями, в такую же непогоду?!

Прошло несколько часов. Ветер стих. Движение льда прекратилось. Переждав, пока он не сдвинулся, все пятеро двинулись обратно к лагерю кораблекрушения.

На следующий день, с трудом продвигаясь между торосами, они встретили еще четырех человек из лагеря кораблекрушения, почти обессиленных и едва волочивших сани. То были д-р Макей, океанограф Муррей, антрополог Бочет и матрос Моррис.

Оказалось, что, несмотря на все увещания Бартлета, напуганные постоянным дрейфом лагеря к северу, они все же решили на свой риск отправиться по льду на юг к берегам Сибири. При уходе их из лагеря был составлен акт, которым капитан Бартлет снимал с себя всякую ответственность за их предприятие. Они были в пути уже 10 дней и имели весьма жалкий вид. Одежда на них вся смерзлась и была тверда, как дерево. Моррис ранил руку охотничьим ножом, вскрывая банку с пеммиканом, и заражение крови предвещало ему плохой конец. Бочет отморозил обе ноги и, не желая принимать посторонней помощи, отстал на полмили от других. Положение его было очень тяжелым, и доктор говорил, что вряд ли он переживет следующую ночь. Только двое, доктор и Муррей, были в состоянии тащить сани. Все уговоры вернуться в лагерь были напрасны. Они отвечали, что уже приготовили себе ложе и идут лечь на него. Эта встреча с ними была послед-

ней. Больше их никто не видел, и никто много лет ничего не слышал о них.

В лагере кораблекрушения настроение было подавленное. Один капитан Бартлет не падал духом и старался поддерживать бодрое настроение других. „Все это пустяки,—говорил он, улыбаясь. — Когда я с Пири ходил к Северному полюсу, мы бывали в несравненно худших положениях“. Однако рассказ возвратившихся о возможной гибели партии штурмана и о том, в каком состоянии они встретили доктора с его спутниками, произвел на него удручающее впечатление. Он никак не ожидал подобных известий и просил никому в лагере не говорить о них.

Через несколько дней было решено последней партии оставить лагерь и идти к острову Врангеля. Было 18 февраля. Полярная ночь давно уже кончилась. Дни росли, и продвигаться по льду можно уже было несколько быстрее.

Через 10 дней отправившиеся вперед восемь человек приблизительно в 30 милях от острова Врангеля подошли к мощным нагромождениям льда, образовавшим как бы сплошной ледяной барьер высотой до 20 м, который тянулся, насколько хватал глаз, на запад и на восток. Шли два дня и, не видя конца этого барьера, обессиленные повернули назад в лагерь кораблекрушения.

Очень скоро на обратном пути произошла встреча с капитаном Бартлетом и всеми остальными. Капитан несколько не скрывал своего неудовольствия: „Надо было проложить себе путь через барьер. Совершенно бессмысленно было возвращаться назад в лагерь“. Под руководством Бартлета все двинулись к острову Вран-

геля и скоро опять подошли к тому же ледяному барьеру. Исследовав его, капитан Бартлет нашел, что через него можно прорубить дорогу. Началась долгая мучительная работа.

„Ломами, топорами и лопатами мы работали, подобно бобрам,—пишет Чейф, один из участников этого ледяного похода.—День за днем мы прокладывали себе узкий проход, шириною около метра и достаточно пологий для того, чтобы протащить по нему сани. Шесть дней потребовалось на то, чтобы проложить эту тропу через 3 мили ледяных нагромождений, образовавшихся на косах и отмелях острова Врангеля. Особенно трудно было перетаскивать все запасы. Сразу протащить их было нельзя и приходилось делать это по частям“.

Только через шесть дней капитан Бартлет со всеми своими спутниками перешел через эти нагромождения и оказался по ту сторону барьера. Правда, до острова Врангеля оставалось еще около 30 миль, но этот путь был уже гораздо легче. За барьером лед образовывал так называемый береговой припай, остававшийся совершенно неподвижным и не имевший таких нагромождений.

Еще через 6 дней, 12 марта 1914 года, они вышли на северный берег острова и устроили здесь свой лагерь (в 14 милях на запад от мыса Уэринга).

Из 25 человек, бывших на „Карлуке“ в момент его гибели, на остров Врангеля пришло только 17.

На следующее же утро несколько человек было отправлено по разным направлениям в поисках следов партий штурмана и доктора. Нигде ничего не было найдено. В разных местах из плавника были сложены

большие костры, которые своим дымом должны были привлечь внимание восьми человек, находившихся, как все хотели думать, где-нибудь поблизости отсюда.

Направляясь на остров Врангеля, капитан Бартлет предполагал оставить здесь всех уцелевших участников экспедиции и, передав начальство над оставшимися инженеру Мунро, самому с одним из эскимосов попытаться по льду перейти пролив Лонга, достигнуть берегов Сибири и добраться до какого-нибудь населенного пункта, откуда можно было бы известить канадское правительство об участии экспедиции.

Тотчас по приходе на остров Бартлет стал готовиться к своему путешествию и утром 18 марта отправился в путь вместе с эскимосом, взяв с собой сани, семь собак и запас провизии на 60 дней. Оставшиеся пожелали ему удачи и долго смотрели вслед, пока он не скрылся из вида. Капитан Бартлет отправился в путешествие, которого до него никто еще не совершал. Он ушел, унося с собою все надежды своих товарищей.

Оставшиеся, по совету Бартлета, разделились на две части, чтобы жить охотой в разных местах острова. Большая часть, во главе с Мунро, осталась там, где они вышли на остров, другие ушли на юг, в гавань Роджерса.

Предпринятая через несколько дней, согласно распоряжений Бартлета, попытка достигнуть лагеря кораблекрушения, чтобы забрать оттуда часть оставленной провизии, не увенчалась успехом. За ледяным барьером полыньи бороздили лед по всем направлениям.

Уныло и однообразно тянулась жизнь на острове. Стояла ранняя полярная весна. Охоты было мало,

и скудные запасы провизии приходилось всячески экономить. В начале апреля им удалось убить трех белых медведей, но этого хватило ненадолго.

В конце мая было решено проведать товарищей, ушедших на южный берег острова в гавань Роджерса. Посланный туда вернулся через 5 дней и принес очень печальные вести.

Из троих, поселившихся в гавани Роджерса, один умер несколько дней тому назад, другой был тяжело болен, третий, как мог, помогал ему. Посланный сообщил, между прочим, что больному надо доставить пеммикан, которого не было в гавани Роджерса. Мунро сам отправился туда, но было уже поздно, больной умер незадолго до его прихода. Третий же, оставшийся в живых, находился в невменяемом состоянии.

Так печально кончилась зимовка в гавани Роджерса...

Начинался весенний перелет птиц.

Возвращаясь из гавани Роджерса, Мунро и его спутник нашли множество их на утесах мыса Уэринга. Между тем, в окрестностях лагеря давно уже не было видно ни медведей, ни тюленей. Главный лагерь был перенесен к мысу Уэринга. Трое, в том числе сам Мунро, перешли в гавань Роджерса. Яйца птиц оказались некоторым подспорьем в скудном столе обитателей острова. Некоторым — потому, что высокие утесы были недосягаемы. Самодельные лестницы позволяли достать только то, что было в самом низу. Лежавшие выше десятки тысяч яиц были недоступны.

В июне стало гораздо теплее. Всюду образовались проталины. На льду появились целые озера пресной воды. В горах зашумели ручьи. Солнце иногда пригревало довольно сильно, У всех замечался упадок сил,

вялость и апатия. С усилием ходили на охоту. Поддерживала только надежда на скорое избавление.

Ко второй половине августа всякие запасы продовольствия в лагере были на исходе. Оставалось только немного тюленьего мяса, высушенного на воздухе. Конец августа прошел на тюленьем жире, к которому каждый день добавлялось немного мяса. Надвигался голод. В эти же дни новый снег начал покрывать остров. Становилось холоднее. Вставал призрак новой и для всех, наверно, последней зимы. Тщетно, до боли глаз, каждый день всматривались в далекий горизонт в надежде увидеть дымок желанного судна...

Между тем несколько месяцев ранее капитан Бартлет благополучно закончил свое замечательное путешествие по льду через пролив Лонга, более 100 миль шириною. На восемнадцатый день, по уходе из лагеря на острове Врангеля, он добрался уже до берегов Сибири. Скоро весть о судьбе экспедиции Стефанссона облетела весь мир. Помощь оставшимся на острове Врангеля шла со стороны России и Америки.

В конце июня суда Гидрографической Экспедиции Северного Ледовитого океана, ледоколы „Таймыр“ и „Вайгач“, готовились выйти из Владивостока в свое очередное плавание, которое однако на этот раз они должны были закончить никем еще до них не выполненным переходом вдоль берегов Сибири с востока на запад из Владивостока в Архангельск.

В середине июня канадское правительство сообщило Русскому Географическому Обществу о бедственном положении оставшихся на острове Врангеля и просило об оказании им помощи. Зная о предстоящем выходе ледоколов в Северный Ледовитый океан, вице-президент

Общества, ныне здравствующий Ю. М. Шокальский, телеграммой просил начальника экспедиции Б. А. Вилькицкого оказать бедствующим возможную помощь.

Одновременно с этим американское правительство готовило для этой же цели охранный крейсер „Бер“, на котором должен был отправиться сам капитан Бартлет.

Крейсер „Бер“ в течение августа 1914 г. дважды пытался подойти к острову Врангеля. В первый раз льды задержали его под американским берегом у мыса Барроу. Второй раз он был уже в 20 милях от восточного берега острова, но тяжелый лед не пустил его дальше. Целую неделю он ожидал изменения в состоянии льда, надеясь на то, что это состояние изменится к лучшему, но недостаток топлива вынудил его вернуться обратно в г. Ном (на северо-западном берегу Аляски). В самом начале сентября, пополнив запасы, „Бер“ в третий раз вышел к острову Врангеля.

В это же самое время на помощь экипажу „Карлука“ направлялась американская торговая шхуна „Кинг и Уинг“ под командой ее владельца Олафа Свенсона...

На острове наступала зима. Бухты и отмельные места покрывались свежим льдом. Обитатели лагеря встретили сентябрь печально. Исхудалые, грязные, обросшие, в отрепьях одежды, со дня на день слабевшие, они потеряли уже всякие надежды на избавление и готовились к новой, мучительной зимовке. В 10 милях от лагеря на берегу был найден плавник, из которого можно было сколотить деревянную хижину. Лагерь был перенесен на это место. Начались работы, сулившие дать убежище для зимовки более надежное, чем истрепанные палатки. Помощи больше не ждали,

Утром 7 сентября Чейф сидел в палатке, забинтовывая себе ногу. В это время один из эскимосов вышел из палатки. Через несколько минут Чейф услышал его неестественно громкий крик: „Мне кажется, я вижу судно!“—кричал он по-эскимосски. Из соседней палатки выскочили еще двое, и все трое начали дико орать, указывая на воду. Совсем близко вдоль берега под парусами проходило двухмачтовое судно, походившее на промысловую шхуну. На палубе, на мостике были люди, внимательно смотревшие на берег. Ветер трепал полотнище американского флага. На носу виднелась надпись. В бинокль можно было прочесть „King and Wing“.

В лагере все пришло в движение. Все кричали изо всех сил... Потом в возбужденных голосах вдруг послышались ноты отчаяния.

Казалось, судно не видит и не слышит никого на берегу и проходит мимо. Эскимос стремглав сбежал вниз и побежал по свежему льду, надеясь удержать судно.

Он не пробежал по льду десятка саженей, как судно повернуло к берегу. Загремел якорный канат. Паруса были убраны. Через несколько минут от борта отвалила большая шлюпка, в которой сидело много народа.

Обитатели лагеря сбились в кучу и напряженно следили за всплесками весел, быстро приближавших шлюпку к берегу. Еще минуты...

Шлюпка ударилась о покрытый галькою берег. Первым выскочил высокий молодой человек, с открытым приятным лицом. Быстрыми шагами он подошел к стоявшим на берегу и, протянув руку, сказал: „Я—Олаф Свенсон, владелец этой шхуны. Я пришел за вами“...

Несколько голосов сразу прервали его: „Мы страшно рады видеть вас, м-р Свенсон... мы никогда не забудем вас“.

Подошли спутники Свенсона, среди которых было несколько эскимосов и два кино-оператора со своими аппаратами. После первых горячих приветствий они спросили обитателей острова: „Не будете ли вы иметь что-нибудь против, и не постоите ли несколько минут, пока мы снимем вас?“ „Нисколько,—последовал ответ,—раз мы знаем, что мы спасены, вы можете держать нас здесь и снимать хоть целую неделю!“

На следующий день „Кинг и Уинг“ покинул остров. На обратном пути шхуна встретила крейсер „Бер“, в третий раз пробивавшийся во льду к острову. „Кинг и Уинг“ подошел к нему, и капитан Бартлет, уже больше месяца находившийся на борту „Бера“, поднялся на палубу шхуны. Горячие приветствия спасенных и дружеская встреча были ему наградой за его отважное путешествие и все перенесенные им лишения.

12 сентября 1914 года спасенные с острова Врангеля были доставлены в г. Ном (Аляска).

В задачи несчастной экспедиции Стефанссона вовсе не входило посещение острова Врангеля и тем более зимовка на нем. Однако пребывание на острове экипажа „Карлука“ было чревато последствиями.

Прежде всего оказалось, что остров достаточно богат промыслами и зимою и летом, и что при достаточном снабжении и надлежащем подборе людей зимовка на нем не только не может встретить особых затруднений, но может дать большие выгоды.

С другой стороны, плоский, равнинный берег в южной части острова, покрытый мхом, с холмами, пере-

ходящими в цепи гор, наводил на мысль о прекрасных оленьих пастбищах и о возможности разведения здесь оленей.

Словом, остров Врангеля начал вызывать к себе интерес в чисто экономическом отношении.

После зимовки на острове экипажа „Карлука“ все это стало ясно многим, и прежде всего, конечно, предприимчивому В. Стефанссону.

С началом мировой войны об острове Врангеля на время забыли. России и другим странам было не до него. Сам Стефанссон все эти годы был также занят другим делом, продолжая свои работы по исследованию крайнего Севера Америки. Но мысль об острове Врангеля его не оставляла, и как только обстоятельства позволили, он со свойственной ему энергией стал осуществлять свои намерения.

Общие условия ему благоприятствовали. В России кончалась гражданская война. Дальний Восток и Восточная Сибирь были от нее отрезаны.

Имея в виду колонизовать остров Врангеля, использовать его промысловые богатства и закрепить его за Великобританией, Стефанссон отправил туда в 1921 году новую экспедицию, которая на этот раз должна была остаться на острове. Во главе ее был поставлен молодой Аллан Крауфорд, сын известного канадского профессора. С ним вместе отправились три канадца и в помощь им одна эскимоска. Скромные средства не позволили Стефанссону организовать эту экспедицию должным образом. Она имела запасы продовольствия всего лишь на 6 месяцев. Предполагалось, что этот недостаток будет легко восполнен охотой. Кроме того, Стефанссон рассчитывал в следующем 1922 году

доставить на остров новые запасы провизии. Экспедиция отправилась в сентябре 1921 года.

На следующий год о ней не было никаких сведений.

Вместо этого летом 1922 года у нас стало известно о том, что в мае этого года в канадском парламенте имели место прения по поводу острова Врангеля. Премьер-министр Канады, Мекензи Кинг, выступая в этих прениях, заявил, что над островом развевается канадский флаг, что на острове находятся канадцы и что правительство считает остров Врангеля принадлежащим Канаде.

ГЛАВА V

ДОСТИГНУТЬ ОСТРОВА ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО!

Опять В. Стефанссон. — Экспедиция Крауфорда. — Эскимосы. — Ледокол „Красный Октябрь“. — Б. В. Давыдов. Борьба со льдом. — Флаг СССР на острове Врангеля. — В ледяном плену. — Колонизация острова

Известие о выступлении Кинга в канадском парламенте и о притязаниях Канады вызвало удивление и тревогу со стороны Советского Правительства. Эти притязания нельзя было рассматривать иначе, как беззастенчивое посягательство на территорию страны.

Никаких сомнений относительно принадлежности острова прежней России ни у кого не было. Декларация русского правительства в 1916 году не встретила возражений ни с чьей стороны. Во всех атласах остров Врангеля значился входящим в состав территории России. Правда, в 1914 году на острове был поднят канадский флаг, но даже само канадское правительство не придавало этому никакого значения, так как с просьбой об оказании помощи экипажу „Карлука“ оно обращалось именно к России.

Тем большее удивление вызывали необоснованные притязания Канады, и тем большая тревога возникала за дальнейшую судьбу острова.

1922 год не принес никаких новых сведений о судьбе экспедиции Крауфорда.

В мае 1923 года Советское Правительство обратилось с нотой к английскому правительству, в которой выражалась просьба сообщить о действительных намерениях в отношении острова Врангеля. Эта нота, так же как и другая, посланная в мае того же года, осталась без ответа.

Между тем летом 1923 года пришли новые сведения о судьбе экспедиции Крауфорда и о новых попытках Стефанссона.

Оказалось, что финансовые затруднения не позволили Стефанссону своевременно доставить продовольствие на остров Врангеля в 1922 году. Судно с продовольствием вышло слишком поздно и не было в состоянии пробиться к острову. Судьба Крауфорда и его спутников, оставшихся на острове в 1921 году, невольно вызывала в Канаде тревогу.

По этой причине, собрав подпиской необходимые средства, Стефанссон летом 1923 года, как только позволило состояние льдов, отправил на остров спасательную экспедицию на паровой шхуне „Дональдсон“, поставив во главе ее Гарольда Нойса.

Когда в СССР стало известно об этой новой экспедиции Стефанссона, со стороны Советского Правительства последовал меморандум английскому правительству с выражением протеста.

3 сентября 1923 года английское правительство довело до сведения Народного Комиссариата по иностранным делам, что вопрос о принадлежности острова Врангеля не возбуждается и что экспедиция Нойса преследует только спасательные цели. В тот же день правительство СССР ответило, что оно не намерено препятствовать иностранным научным или спасательным экспе-

дициям, но что все экспедиции на территории СССР должны быть согласованы с соответствующими органами государственной власти.

Между тем спустя некоторое время после обмена приведенными нотами в СССР стали известны подробности пребывания на острове экспедиции Крауфорда и результаты плавания спасательной экспедиции Нойса на остров Врангеля.

Оказалось, что в первый год своего пребывания на острове экспедиция Крауфорда слишком понадеялась на своевременную доставку продовольствия и не использовала должным образом время охоты. По этой причине к середине декабря 1922 года запасы продовольствия у них иссякли, и экспедиция оказалась под угрозой наступающего голода. Было решено повторить смелую попытку Бартлета и перейти по льду на материк Сибири.

В декабре Крауфорд отправился в путь с одним из своих спутников, Найтом. Двое других и эскимоска оставались на острове. Однако Найт начинал чувствовать себя плохо, и через две недели они принуждены были возвратиться. Вскоре Найт заболел цынгой. В конце января 1923 года Крауфорд с двумя остальными (Маурером и Галлом) опять отправился в путь. Найт, заболевший цынгой, остался на острове вместе с эскимоской. О Крауфорде никто больше ничего не слышал. Без сомнения, они погибли в какой-нибудь полынье во время подвижки льда, пробираясь через ледяные нагромождения к берегам Сибири. Найт, оставшийся на острове, несмотря на заботы эскимоски, уже не выздоровел и умер от цынги в июне 1923 года. Труп его, молчаливый сосед эскимоски, продолжал

лежать в спальном мешке в одной из палаток. Ада Блэкджек жила в другой.

Охота на тюленей поддерживала ее существование. Через некоторое время белые медведи стали совсем близко подходить к палаткам и очень беспокоили Аду Блэкджек. Ей все время приходилось быть настороже и отражать их неожиданные появления. Так жила она одна в вечном страхе за свое существование и вовсе не надеясь на избавление.

Ада Блэкджек была взята на судно, труп Найта предан погребению. Шхуна „Дональдсон“ через несколько дней ушла обратно в Канаду, оставив на острове для охоты за пушным зверем и занятия другими промыслами новых колонистов, посланных Стефанссоном: 1 американца и 12 эскимосов. Оставшиеся были снабжены продовольствием на два года.

Так постепенно, шаг за шагом, канадское правительство, в лице Стефанссона, без всяких на то прав прибирало остров Врангеля к своим рукам.

Таким образом заявление английского правительства об исключительно спасательных целях экспедиции Нойса не соответствовало действиям этой экспедиции.

Больше медлить было нельзя.

3 июня 1924 года во Владивосток по телеграфу было передано распоряжение морского командования об организации специальной экспедиции на остров Врангеля, при чем экспедиции предлагалось выйти из Владивостока не позднее 15 июля. Экспедиция должна была достигнуть острова во что бы то ни стало! Ей поручалось снять с острова колонистов Стефанссона, поднять советский флаг и произвести на острове гидрографические работы. Во главе экспедиции был

поставлен ныне покойный гидрограф-геодезист Борис Владимирович Давыдов, участник работ гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана („Таймыр“ и „Вайгач“), много работавший вообще на Дальнем Востоке, отличный моряк, прекрасно знакомый со всеми местными условиями. В качестве судна экспедиции было решено использовать находившийся во Владивостоке хороший и довольно мощный портовый ледокол „Надежный“, который вслед за этим был переоборудован в канонерскую лодку и переименован в „Красный Октябрь“.

Для подготовки экспедиции оставалось меньше месяца, так как в момент получения этого распоряжения ни „Красного Октября“, ни начальника экспедиции не было во Владивостоке. Оба они в это время были заняты обстановкой баканами фарватеров Амурского лимана, и только с возвращением „Красного Октября“ во Владивосток, т. е. с 16 июня, можно было начать подготовку экспедиции: работы по ремонту, оборудованию судна, заготовку необходимого снабжения и продуктов. Надо было обеспечить продовольствием 80 человек экипажа ледокола на 14 месяцев, имея в виду возможность вынужденной зимовки. Предстояло серьезное и, может быть, долгое полярное плавание без надежды на чью-либо помощь. Многого во Владивостоке не оказалось. Приходилось выписывать из других мест. В результате кропотливой напряженной работы через месяц все было готово. Правда, кое-что запоздало. Полушубки, например, из Харбина были доставлены с берега на шлюпке за несколько часов до съемки ледокола из Владивостока. Но откладывать выход было нельзя.

Во Владивостоке стало известно о новом претенденте на остров Врангеля. 18 июля из Нома на Аляске вышла паровая шхуна „Герман“ под командой известного полярного мореплавателя, капитана Лэна, имевшая заданием достигнуть острова, поднять на нем американский флаг и снять с него оставленных в прошлом году Нойсом со всей их добычей.

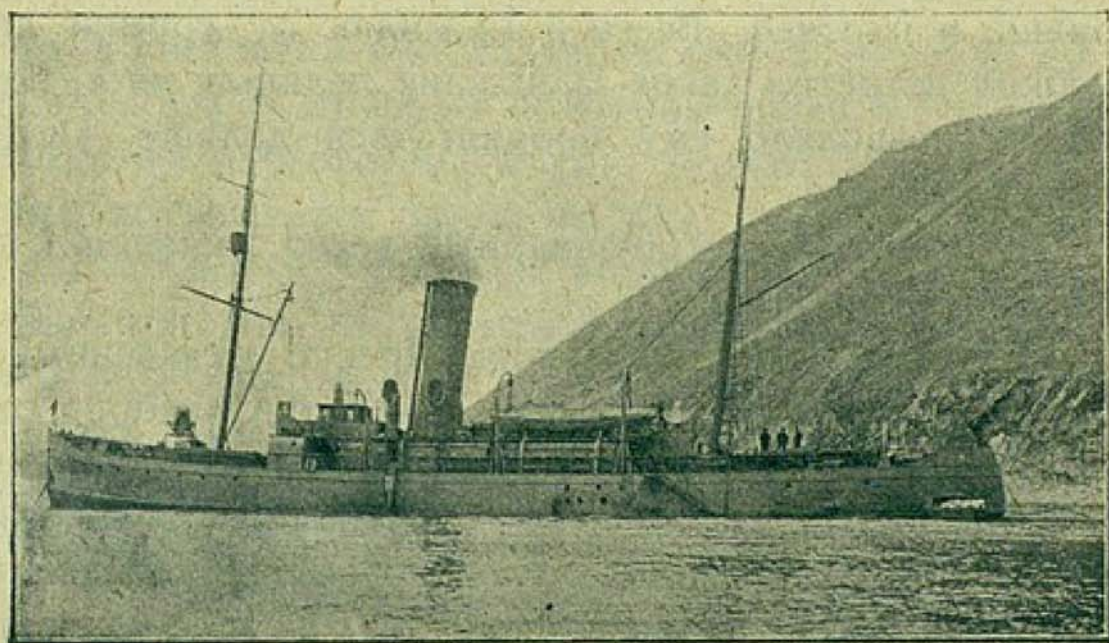
20 июля „Красный Октябрь“ вышел из Владивостока и, наверстывая свое невольное опоздание, 3 августа был уже в заливе Провидения, где должен был в последний раз, перед выходом в Ледовитый океан, пополнить запасы топлива.

Вопрос топлива был самый острый и самый тяжелый. От разрешения его зависело все плавание. Угля надо было здесь взять столько, чтобы его хватило на весь переход до острова Врангеля и обратно. Больше его получить было негде.

Выходя из залива Провидения, ледокол имел 560 тонн угля, из которых 200 тонн помещалось на палубе. Судно было так перегружено, что его ледяной пояс (утолщенная наружная обшивка) находился под водой. Таким образом первое время при встрече со льдами, их удары приходились бы на незащищенные места корпуса. Тем не менее 560 тонн — это все, что оказалось возможным взять с собою.

Ледокол зашел по пути еще в залив Лаврентия, где были взяты трое чукчей (двое мужчин и одна женщина) и 24 ездовые собаки с упряжью и нартами, принадлежавшие местному жителю Караеву. Они были взяты на случай необходимости сообщения с берегом по льду, а также на случай организации исследовательских партий на самом острове.

10 августа „Красный Октябрь“ прошел Берингов пролив и вошел в Северный Ледовитый океан, располагая свой курс почти прямо на север (в ветви теплого течения) и надеясь в этом направлении встретить наиболее слабый лед.

Ледокол „Красный Октябрь“. Приемка воды самотеком у восточного берега залива Провидения.

„Действительность, пишет — Б. В. Давыдов, — превзошла на первых порах все наши самые смелые ожидания. Ледовитый океан довольно радушно встретил своих непрошенных гостей: первые два дня нашего плавания мы шли хотя и в тумане, но имели слабые переменные ветры и, что самое главное, не встретили и признака льдов. Ничто не мешало нашему плаванию, и мы широко воспользовались благоприятными условиями: все время измерялись глубины и велись глубоководные гидрологические наблюдения“.

В полдень 12 августа, находясь в 95 милях от юго-восточной оконечности острова Врангеля, „Красный Октябрь“ изменил курс прямо на мыс Гаваи, и через два часа вошел в лед, окружавший остров сплошной ледяною стеною.

По мере продвижения на запад льды становились больше и плотнее. Всего в 12 милях от кромки льда ледокол встретил такое скопление ледяных масс, которое не позволяло ему продвигаться дальше. Остров был недоступен.

Дул сильный северо-западный ветер, гнавший к югу всю эту массу льда.

Трое суток без движения, крепко охваченный со всех сторон льдом, простоял „Красный Октябрь“, ожидая изменения ветра. Б. В. Давыдов предполагал, что восточный ветер вместе с силой течения могли бы разредить лед вокруг ледокола. Но напрасно. Ни ожидаемого изменения ветра, ни раздвижки льда не происходило.

16 августа, с трудом развернувшись во льду, „Красный Октябрь“ стал выбираться из него на восток в обратном направлении. Выйдя на чистую воду, ледокол пошел вдоль кромки льда, чтобы выяснить ее направление. Эта ледяная разведка дала очень неутешительные результаты: граница льда загибалась к юго-востоку, а на севере близ острова Геральда образовывала как бы мешок, закрытый с севера и открытый с юга. При этом „Красный Октябрь“ нашел лед там, где его не было за трое суток перед этим. Очевидно, сильный северо-западный ветер сделал свое дело: вся масса льда начала двигаться в южном направлении.

„Медлить было нельзя, — говорит Б. В. Давыдов. — Мы должны были достичь острова Врангеля в эту навигацию“

гацию во что бы то ни стало. Я решил пробиваться через лед“.

Днем 17 августа несколько южнее острова Геральда ледокол опять повернул на запад и вошел в лед.

„Никогда нельзя было себе представить, — пишет дальше начальник экспедиции, — что „Красный Октябрь“ будет в состоянии прокладывать себе путь среди таких нагромождений крупных обломков полей и громадных торосистых многолетних льдин, вершины которых то-и-дело поднимались выше палубы корабля. Если прибавить к этому, что вся водная поверхность была сплошь покрыта льдом, если принять во внимание, что плавание происходило в густом тумане при набегавших зачастую „зарядах“ снега, не позволявших уверенно выбирать путь, — станет ясной вся трудность нашего продвижения. Конечно, работа во льду малыми и средними ходами была давно оставлена. Корабль мог еле-еле продвигаться вперед только при работе машины самым полным ходом, да и то прокладывая себе путь почти все время с разбега. Временами казалось, что та небольшая скорость, которую еще сохранил корабль, вот-вот сойдет на-нет, таким мощным кольцом ледяных масс отгородился от нас остров“.

Тем не менее ледокол шаг за шагом пробивался через эту сплошную ледяную стену. Расход угля доходил до 32 тонн в сутки!

Утром 19 августа был замечен темный отблеск в западной части горизонта, указывавший на близость чистого моря. Ледокол изменил курс в его направлении и скоро был уже под самым островом.

Очевидно, северо-западный ветер отодвинул от южного и восточного берегов всю массу тяжелых льдов,

из которых только что вышел ледокол, и образовал здесь под берегом узкую полосу проходимого, разреженного льда. Но дальше за этой полосой везде по горизонту были видны тяжелые густые льды, ревниво охранявшие подступы к острову и готовые при первом же изменении ветра вплотную пододвинуться к его берегам.

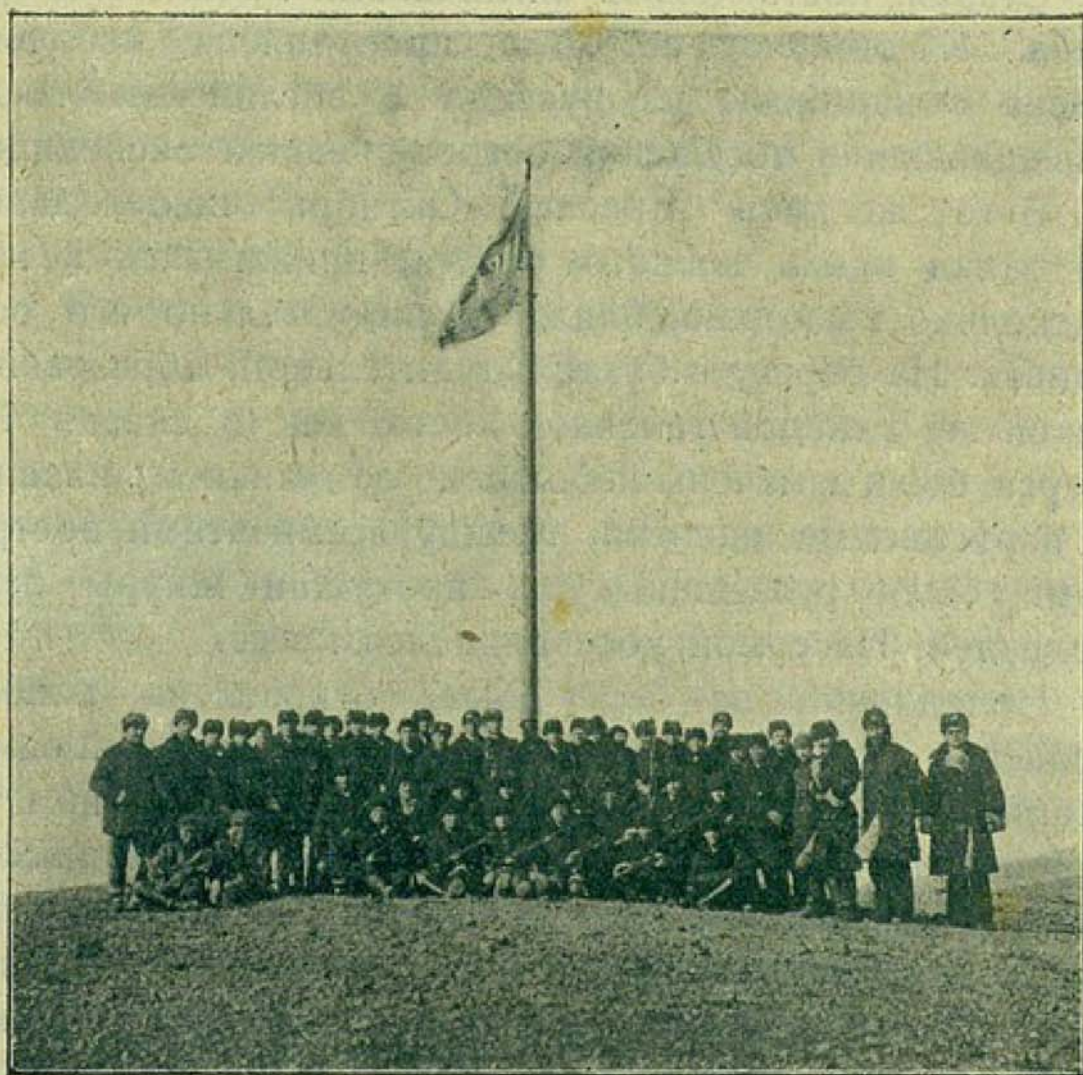
Изба из плавника в гавани Роджерса.

Довольно легко продвигаясь [под самым берегом, ледокол обогнул мыс Гавай, и в 3 ч. дня 19 августа бросил якорь против гавани Роджерса. Остров Врангеля был достигнут.

Немедленно была спущена шлюпка и отправлена партия для осмотра всего берега, прилегающего к гавани Роджерса. Людей нигде не было. На самом берегу стояла грубая деревянная мачта с перекладиной, вероятно, поставленная англичанами. Недалеко от мачты находилась промысловая изба, построенная из плавника. В ней оказались запасы продовольствия и промысловые принадлежности. Видно было, что в избе

совсем недавно были люди. Рядом с избой валялись три сопревшие шкуры белых медведей.

В тот же день экипаж ледокола приступил к сооружению солидной мачты для подъема на ней флага

У мачты с флагом СССР в гавани Роджерса.

СССР. Работы шли днем и ночью. Флаг на мачте сделали из крепкого жестяного листа. На листе вырезали буквы: „СССР“.

Основание мачты было залито цементом и укреплено кирпичной кладкой.

К утру 20 августа все было готово. Стоял ясный, тихий день. Весь свободный от вахты экипаж ледокола был свезен на берег, где и состоялась самая церемония поднятия флага СССР.

Старая, поставленная англичанами мачта была срублена. К обрубку ее была прикреплена небольшая доска с надписью на русском и английском языках, извещавшая о посещении острова нашей экспедицией.

В тот же день „Красный Октябрь“ пошел дальше на запад вдоль южного берега, прижимаясь к нему, насколько возможно, ближе и внимательно его осматривая. На берегу в бухте Сомнительной, образованной такой же длинной галечной косой, как и гавань Роджерса, были замечены небольшие землянки из плавника и парусиновые палатки. Между всеми этими постройками были развешены для просушки шкуры белых медведей. На самой косе виднелся крест.

Немедленно на берег была отправлена шлюпка. Людей и здесь нигде не оказалось. Подробный осмотр всего этого лагеря не оставлял никаких сомнений в том, что именно здесь находилось зимовье оставленных на острове в прошлом году охотников. Всюду виднелись следы бесцеремонного хозяйничанья на острове и хищнического обращения с добычей. Громадные туши моржей лежали на берегу без клыков. Было ясно, что их убили только ради клыков, а сами туши вовсе не были использованы. Такие же туши плавали в бухте.

Крест стоял на могиле Найта, умершего от цынги участника экспедиции Крауфорда.

В разных концах лагеря на деревянных стойках были найдены две бутылки. В обеих оказались записки. Одна — подписанная американцем Уэльсом, дру-

гая—эскимосом Роем. Обе они были адресованы командиру ожидавшегося спасательного судна и извещали, что подписавшие записки лица вышли по берегу на запад.

Когда шлюпка отваливала уже от косы назад к кораблю, на пологом берегу дальше на запад был замечен дым большого костра. Очевидно, ожидавшие прихода судна таким способом хотели дать знать о своем местонахождении.

Через некоторое время с ледокола было замечено, что с берега к кораблю идет шлюпка.

Стоял чудесный, тихий день. Ветра почти не было. Байдара быстро приближалась. Скоро можно было рассмотреть, что в ней сидело 5 человек, которые уже издали, размахивая шапками, обменивались оживленными приветствиями с экипажем ледокола, высыпавшим на палубу. Однако по мере приближения байдары, движение ее замедлялось. С байдары доносились возбужденные голоса.

В этот момент пронесся порыв ветра. Красное полотнище советского флага развернулось над ледоколом. В то же мгновение байдара повернулась и изо всех сил стала уходить обратно к берегу. Очевидно, только подойдя совсем близко к ледоколу, на байдаре разобрали, что пришло совсем не то судно, которого они ожидали.

Приказание с ледокола заставило байдару вернуться и немедленно подойти к борту. Через несколько минут американец и четыре эскимоса были на палубе.

Из их объяснений стало очевидно, что они — те самые эскимосы, которые в прошлом году были посланы сюда Стефанссоном. Всего на острове было 14 человек

взрослых и детей, в том числе ребенок, родившийся на острове (первый уроженец острова Врангеля). По договору с Стефанссоном, они должны были заниматься на острове промыслами на половинных началах, т.-е. половина всего упромышленного поступала Стефанссону, половина оставалась в их пользу. По тому же договору они ожидали теперь прихода судна, которое должно было снять их с острова и заменить другими промышленниками.

Как и следовало ожидать, никаких документов, разрешающих им пребывание на территории СССР, у них не оказалось. При отправлении сюда им было сказано, что остров принадлежит Канаде, а американцу Уэльсу был передан английский флаг для подъема его на острове.

По выяснении всего этого обитателям острова было сказано, что они рассматриваются экспедицией, как хищники со всеми вытекающими отсюда последствиями: вся их добыча, а также орудия промысла будут конфискованы.

Что же касается их самих, то, если они этого желают, они могут на известных условиях оставаться на острове, при чем для этого им будут даны соответствующие удостоверения. Однако, все они пожелали оставить остров и просили взять их на судно и доставить в г. Ном (Аляска).

Ночью все были сняты с берега и переведены на ледокол.

Попрежнему стояла тихая и ясная погода.

На следующий день „Красный Октябрь“ пошел обратно вдоль южного берега к гавани Роджерса, забирая в разных пунктах побережья всю промысловую добычу эскимосов и все орудия улова, и на каждом шагу убе-

ждаясь в хищническом хозяйничании на острове. Оказалось, что всего за зиму эскимосами было убито 57 белых медведей, между тем как было найдено всего 38 выделанных шкур. Все остальные были брошены, сопрели под снегом и т. д.

Следы хищничества на о. Врангеля.

Это плавание под южным берегом острова было использовано для гидрографической описи берега, астрономических и магнитных наблюдений. К сожалению, близко подходивший к берегу лед не позволил выполнить здесь подробного промера и гидрографической описи остальных берегов. Тем не менее были сделаны очень важные работы, уточнившие положение острова на карте и значительно исправившие очертания его южного берега.

Вечером 22 августа, еще раз пройдя вдоль южного берега острова, „Красный Октябрь“ стал на якорь у мыса Блоссом, юго-западной оконечности острова.

Можно было подвести итог всему сделанному. Остров был достигнут, флаг СССР был поднят, хищники сняты, вся их добыча конфискована. Кроме того, были произведены значительные гидрографические работы. Таким образом задача экспедиции была выполнена. Надо было думать об обратном возвращении.

Каким же путем возвращаться к Берингову проливу? Итти ли обратно на северо-восток к острову Геральда и повторить таким образом весь пройденный путь в обратном направлении или же пробиваться через лед по кратчайшему расстоянию от юго-западной оконечности острова прямо к Сибирскому берегу?

Из 560 тонн угля, взятых в заливе Провидения, на ледоколе оставалось только 275 тонн. Положение приходилось считать очень серьезным. Плавание во льду уже показало всю ненасытность котлов ледокола. В тяжелом льду на пути к острову расход топлива доходил до 32 тонн в сутки.

При таком запасе топлива Б. В. Давыдов выбрал кратчайший путь к берегам Сибири, справедливо полагая, что ледоколу почти наверно удастся пробиться к этим берегам, под защитой которых он и может оставаться. Плавание же в северо-восточном направлении в случае израсходования топлива грозило ледоколу оказаться во власти льдов и быть унесенным далеко на север вместе с ними.

23 августа „Красный Октябрь“ начал свой обратный поход. Тихая, ясная погода сменилась сильными северо-западными ветрами. Пролив Лонга был заполнен льдом, и этот лед представлял такие препятствия, что только 26 августа ледокол подошел к Сибирскому берегу чуть восточнее [мыса Якан. Здесь под самым

берегом оказалась узкая полоса чистой воды, обеспечивавшая ледоколу свободное плавание вдоль побережья до мыса Дежнева. Все радовались скорому возвращению.

Но этим надеждам не суждено было сбыться. Северо-западный ветер делал свое дело. Тяжелые массы льда надвигались на берег, нагромождая непроходимые торосы особенно в тех местах, где длинные, выдающиеся в море мысы задерживали их движение. Такое препятствие и было встречено у мыса Северного.

В это время угля на ледоколе оставалось ровно столько, сколько надо было для того, чтобы дойти до залива Провидения по чистой воде. О том, чтобы пробиваться через лед, заполнявший все пространство видимого горизонта, нечего было и думать. Решено было только пробиться в полынью под восточным берегом мыса Северного, где и стать на якорь. Здесь под защитой утесов мыса можно было спокойно ожидать изменения в положении льдов, или в случае нужды остаться на зимовку. Находившееся на берегу селение чукчей обеспечивало возможность получения свежего мяса и некоторых других продуктов.

Этот небольшой переход во льду с западной стороны мыса Северного под его восточный берег был для ледокола, пожалуй, самым тяжелым. Небольшая перемычка льда, отделявшая ледокол от полыньи и доходившая местами всего до полумили, была почти сплошной ледяной стеной, образованной мощным льдом, частью сидевшим на мели. Попытки взрывать лед ни к чему не приводили. Разломанный лед оставался позади ледокола, заполняя пробиваемый им канал и мешая ледоколу пользоваться всей его силой. Приходилось на шлюпке растаскивать разломанный лед, чтобы

расчистить ледоколу нужное ему пространство чистой воды. Только 6 сентября ледокол стал на якорь в полынье под мысом Северным. На пути к острову Врангеля „Красный Октябрь“ получил во льду лишь небольшие вмятины. На пути от острова к мысу Северному ледокол получил много серьезных повреждений.

Ледокол стоял под мысом Северным... Никакого изменения в положении льдов не наступало. Они окружали мыс плотной непроходимой стеной и отнимали всякую надежду на возможность возвращения. Приходилось готовиться к зимовке.

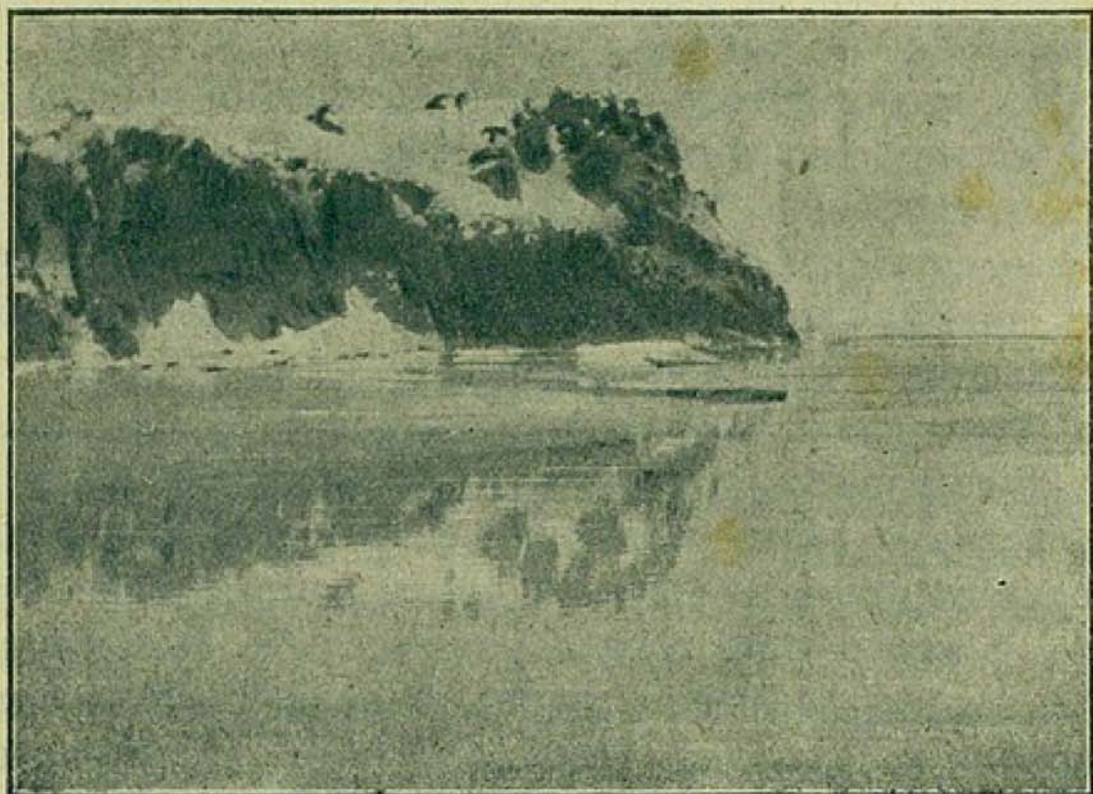
Скоро все на корабле было устроено на зиму; экипаж и пассажиры размещены по-зимнему; установлено зимнее расписание, паровое отопление разобрано и заменено камельками, машина разобрана, из котлов выпущена вода. Эскимосы с семьями переселились на берег в отдельный домик. При помощи чукчей на зиму было заготовлено 250 пудов свежего оленьего мяса.

Однако резкое изменение в положении ледокола произошло именно тогда, когда все уже было устроено по-зимнему, и когда этого изменения меньше всего ожидали.

Уже 25 сентября, едва только была выпущена вода из последнего котла, съехавшие на берег с изумлением заметили легкую зыбь на всегда спокойной поверхности полыньи, напоминавшую отзвуки зыби на чистой ото льдов поверхности моря. Зыбь все усиливалась, и уже утром на следующий день можно было не только заметить колебания отдельных льдин, но ясно определить и направление, откуда шла эта зыбь.

Она шла с северо-востока, и было совершенно ясно, что в этом направлении совсем недалеко должно находиться чистое море,

На ледоколе оставалось всего 50 тонн топлива, обеспечивавших двое с половиной суток плавания по чистой воде. При таких условиях едва-едва можно было бы добраться до бухты Провидения. Всякая же встреча со льдом делала такое плавание невыполнимым и гро-

Полынья под мысом Северным.

зила тяжелыми последствиями. Но с другой стороны, каждый из состава экипажа сознавал, насколько важно было бы возвращение ледокола во Владивосток в этом же году. Было решено рискнуть. Весь расчет строился на том, что за узкой ледяной перемычкой, до самого мыса Дежнева, лежит чистое море.

Началась лихорадочная работа. Весь корабль снова приводился в походное положение. Эскимосы с берега были перевезены на ледокол. Утром 27 сентября, после

трехнедельной стоянки под мысом Северным, „Красный Октябрь“ снялся с якоря, вошел в лед и в 15 милях от берега вышел на чистую воду.

Расчеты оправдались. Кромка льда в одну сторону тянулась на северо-восток, в другую — на юго-восток, прижимаясь к берегу. На восток же до краев горизонта уходило чистое море.

Шла крупная зыбь от северо-востока. Вскоре задул и северо-восточный ветер, разыгравшийся в шторм со снегом и туманом. Необходимость идти по кратчайшему направлению к Берингову проливу не позволяла повернуть против волны и заставляла держаться бортом к большой и крутой волне.

„Легко представить себе, — пишет Б. В. Давыдов, — что происходило в таких условиях с кораблем, имевшим ледокольные образования, разгруженным к тому же до последней степени. Размахи качки превышали 45° на борт; в жилых помещениях и на палубе был полный хаос, так как за очень короткий срок приготовления к походу нельзя было успеть закрепить все по-походному. Трое суток личный состав был лишен горячей пищи и воды. Не было возможности ни обогреться, ни обсушиться; приходилось работать на палубе зачастую по колени в ледяной воде, промокая насквозь под целыми каскадами брызг, попадавших на палубу... Уже на второй день перехода мы начали рубить на дрова и жечь в котлах весь имевшийся на корабле запас бревен и досок. К углю подмешивали угольный мусор с машинным маслом“.

Через трое суток шторм стих, и 30 сентября вечером в совершенной темноте ледокол стал на якорь, находясь по расчету у самого мыса Дежнева.

„Что-то готовит нам рассвет следующего дня?—спрашивал себя каждый на ледоколе. Действительность оказалась весьма неутешительной: насколько хватал глаз, всюду в Беринговом проливе виднелись ледяные массы. На корабле было только 20 тонн угля и уже почти не было дерева. Попробовали войти в лед, но, пройдя в нем не более одной мили, застряли и не смогли выйти назад к его кромке. Угля к концу этого дня оставалось только 14 тонн, и на топливо ушли все пеньковые тросы, весь судовой запас олифы и красок, большая часть машинного масла и даже корпус моторного катера“.

„Положение судна, — пишет Б. В. Давыдов, — было поистине критическим: почти без угля, затертое во льдах, оно было лишено возможности двигаться из опасения истратить последнее имевшееся на борту топливо, остаток которого следовало беречь на самый крайний случай“.

Два дня ледокол дрейфовал со льдом то от мыса Дежнева в море, то обратно, к Берингову проливу. Что же будет, когда ледокол попадет наконец прямо в полосу течения, идущего из Берингова пролива? Понесет ли его, как до сих пор, на северо-запад под берегом или прямо на север, неизвестно куда?— вот вопросы, волновавшие всех, отдававших себе отчет в положении судна.

Рассвет 5 октября принес неожиданное избавление. Подул сначала легкий, но вскоре чуть усилившийся южный ветер. Лед начал раздвигаться, и уже около полудня ледокол стоял под самым берегом, против селения Уэллен, расположенного на северном берегу мыса Дежнева, ожидая найти здесь уголь. Увы, уголь

действительно был, но в 30 милях отсюда, по южную сторону мыса, и пройти к нему надо было через закрытый льдом Берингов пролив.

В лагуне против селения стояла шхуна, конфискованная в прошлом году. Не оставалось ничего другого, как разобрать, разрубить и перевезти на ледокол полусгнивший сырой корпус этой шхуны, а также скупить у чукчей весь имевшийся у них запас плавника.

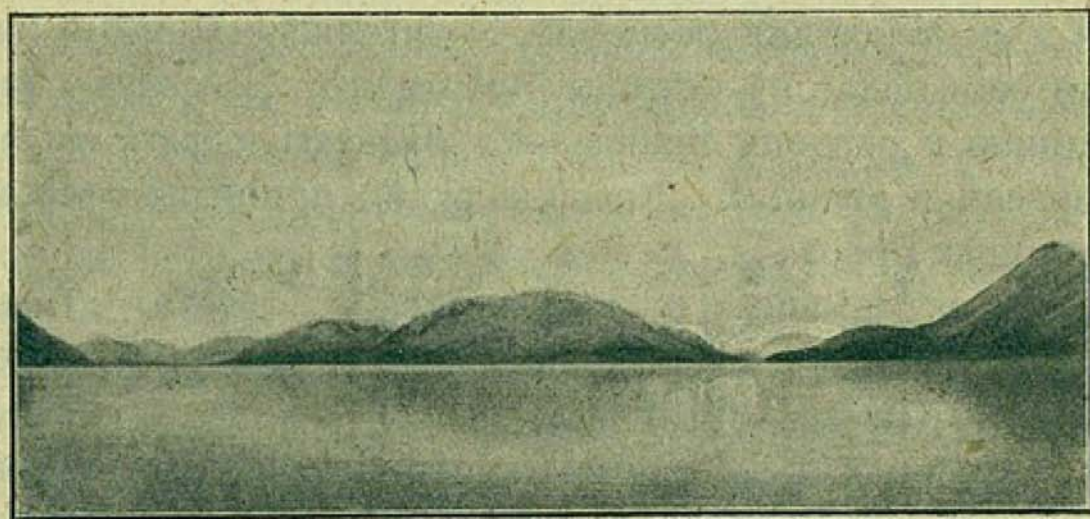
Предстояло, не теряя ни минуты, итти дальше; единственная возможность пройти проливом заключалась в том, чтобы расположить плавание вплотную к обрывам мыса, так как только здесь лед был несколько разрежен.

„Никогда, кажется, не забыть этого рискованного перехода,—продолжает Б. В. Давыдов.—Только усыпанное звездами небо несколько умеряло глубокий мрак ночи, позволяя еле-еле разбирать контуры громадных крутых скалистых обрывов Дежневского выступа... Они порою так близки к кораблю, что, кажется, еще немного—и мы заденем за них бортом“.

Через несколько часов ледокол прошел Берингов пролив и, обогнув мыс Дежнева, стал на якорь по южную сторону последнего, против поста Дежнева. Угля на судне оставалось только 5 тонн! Но к счастью, на берегу действительно оказалось это драгоценное топливо. Поздно ночью погрузка угля была закончена, и ледокол пошел дальше на юг.

„Ветер постепенно стихал; к вечеру совершенно заштилело,—кончает свой рассказ Б. В. Давыдов.—Стояла тихая звездная ночь; казалось, что все наши невзгоды и испытания остались позади, что вскоре мы придем в залив Провидения, где наконец перестанем испытывать муки столь ужасного угольного голода. Однако, несмотря на

очень благоприятную погоду, сопровождавшую нас на этом переходе, все же несколько раз возникало сомнение, хватит ли у нас угля, или же вновь придется прибегнуть к извлечению из корабля теперь уже последних остатков дерева. На рассвете 6 октября

Общий вид залива Провидения.

вошли в залив Провидения; на корабле совершенно не было пресной воды, а весь остаток топлива выражался цифрой в 21 пуд угля; этого количества едва хватило бы на 25 минут хода!

Утром 29 октября ледокол благополучно вернулся во Владивосток. Участникам этого похода временами казалось, что все уже потеряно и что нет ни сил, ни возможности избежать рокового конца. Однако умелое руководство экспедицией, использование всех благоприятных обстоятельств и необыкновенно дружная работа всего экипажа ледокола, отлично понимавшего важность возложенной на него задачи, привели все дело к успешному концу.

Значение этого успеха было огромно.

В канадской и американской прессе уже с момента выхода ледокола из Владивостока появился ряд замечаний, свидетельствовавших о том интересе, который вызывало в обеих этих странах плавание советского судна, и упоминавших имя Б. В. Давыдова.

Вот заглавия некоторых из них: „Русская экспедиция для овладения островом Врангеля!“, „Советы подняли свой флаг на острове Врангеля“, „Русские сняли колонию с острова Врангеля“, „Советы сдают остров Врангеля в аренду“, „Красное судно привозит колонию с острова Врангеля“ и т. д.

Между прочим в нью-йоркской газете „Times“ 18 октября была напечатана следующая корреспонденция из г. Нома (Аляска):

„Охранный крейсер „Бер“ и моторные шхуны „Герман“ и „Серебряная Волна“, три американских судна, напрасно пытались пробиться к острову Врангеля этим летом...“

Из других газетных сообщений можно было установить, почему именно американские суда отправлялись в этом году на остров Врангеля, и чем объясняется такой повышенный интерес Америки к этому острову.

Оказалось, во-первых, что английское правительство с приходом к власти рабочей партии изменило свою точку зрения на остров Врангеля и не разделяло захватнических намерений правительства предыдущего состава. С другой стороны, у самого Стефанссона не было денег для того, чтобы снять с острова оставленных там колонистов и продолжать дальше его эксплуатацию.

По этим причинам в мае 1924 г. он продал свои „права“ на остров Врангеля американцу Ломену, одному из богатейших промышленников Аляски, который и снарядил в 1924 г. шхуну „Герман“ под командой капитана Лэна.

Сам Ломен по этому поводу говорил потом следующее:

Во-первых, изучение истории острова Врангеля привело его к выводу, что после англичан американцы больше всех имеют права на этот остров. Раз Англия отказывается от своих прав, он, как американец, был очень озабочен дальнейшей судьбой острова. С другой стороны, ему, как опытному промышленнику, были очевидны все выгоды, какие могла принести умелая эксплуатация острова. Он очень хорошо знал об изобилии на острове песцов и белых медведей. Он строил обширные планы относительно моржовых и тюленьих промыслов. И наконец, имея огромные стада оленей, он предполагал создать олений питомник на острове Врангеля, что могло ему в дальнейшем дать много тысяч голов оленей на острове и обеспечить пребывание на острове всех последующих колонистов.

Легко можно представить себе, какие осложнения возникли бы для Советского Союза, если бы какое-нибудь из американских судов достигло острова и если бы „Красный Октябрь“ не смог этого сделать.

На деле вышло иначе. „Красный Октябрь“ пробился к острову, но ни одно из американских судов не смогло подойти к нему.

В августе 1924 года правительство Великобритании отказалось от своих претензий на остров Врангеля. После плавания „Красного Октября“ и бесплодных попыток американских судов ни о каких претензиях американцев не могло быть речи.

Таким образом успешное плавание „Красного Октября“ имело решающее значение в вопросе о ближайшей судьбе острова Врангеля.

Желая внести ясность в вопрос о формальной принадлежности острова, так же как и других подобных земель, Президиум ЦИК СССР постановлением от 15 апреля 1926 года объявил территорией СССР все как открытые, так и имеющие быть открытыми в дальнейшем земли и острова, которые к моменту этого постановления не составляют признанной правительством СССР территории каких-либо других государств, и которые расположены в Северном Ледовитом океане к северу от побережий Сибири до Северного полюса, между меридианами нашей границы с Финляндией и Берингова пролива. Постановление это ни с чьей стороны не вызвало возражений.

8 августа 1926 года пароход „Ставрополь“, под командой капитана П. Г. Миловзорова, пользуясь исключительно благоприятным летом и почти не встречая льда, подошел к острову Врангеля с первой партией советских колонистов. Их было 60 человек, из которых большинство были чукчи, переселявшиеся на остров со всем своим имуществом. Место поселения было выбрано в гавани Роджерса. Флаг, поставленный „Красным Октябрем“, стоял на месте. Никаких признаков посещения острова другим судном после „Красного Октября“ найдено не было.

В течение недели, пока пароход находился у острова, при дружной работе всего экипажа, был собран деревянный дом, в разобранном виде привезенный на пароходе. Все снабжение и топливо (85 тонн угля) выгружено на берег. Снаряжение и запасы продовольствия были заготовлены из расчета на 3 года пребывания на острове. Чукчи со всем своим имуществом и собаками расположились временными юртами на косе гавани

Роджерса. 15 августа „Ставрополь“ ушел с острова, оставив здесь на несколько лет первых советских граждан и увозя с собой письмо чукчей, уговаривавших своих сородичей переселяться на остров. В первые же дни пребывания на острове они убедились в возможности хорошей охоты как пушной, так и на морского зверя.

Летом следующего года пароход „Колыма“ был отправлен из Владивостока с грузом товаров в устье реки Лены. У мыса Северного с парохода были спущены на воду два гидроаэроплана. Они слетали на остров Врангеля и, вернувшись через сутки, сообщили, что первый год пребывания на острове прошел для всех колонистов сравнительно хорошо. Недостатков ни в чем, кроме свежих овощей, не ощущалось. Правда, надежды на исключительно богатую пушную охоту не оправдались. Но все же за зиму было упромышлено 168 песцов и 35 белых медведей. Кроме того, очень удачен был морской промысел (на моржей и тюленей).

За весь год умерло два чукчи, но их заболевания и смерть не были связаны с условиями жизни на острове.

Летом 1928 года пароход „Ставрополь“, из-за тяжелого льда, не смог подойти к острову и доставить туда новое снабжение и запасы продовольствия. О судьбе советской колонии на острове Врангеля в этом году не получено никаких сведений.

В то время, когда пишется настоящий очерк, идут приготовления к комбинированной экспедиции. Ранним летом 1929 г. на остров должны слетать гидроаэропланы и несколько позднее туда пойдет „Ф. Литке“—один из мощных ледоколов Советского Союза...

ГЛАВА VI

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Остров Врангеля — пустынный клочок земли, затерянный среди льдов Северного Полярного моря и ревниво оберегаемый ими. Сколько попыток, сколько усилий и даже человеческих жизней уже связано с ним.

Знаменитый русский исследователь, Ф. П. Врангель, впервые положил его на карту (1823 г.) Англичанин Келлет впервые увидел остров (1849 г.). Американцы первые высадились на нем и присоединили его к американским владениям (1881 г.) Русский ледокол „Вайгач“ впервые произвел точную съемку острова и установил на нем знак, свидетельствовавший об этих работах (1911 г.) Канадцы были первыми (невольными) обитателями острова, подняли на нем канадский флаг и в течение нескольких лет стремились овладеть этим островом (1914; 1921—1923 гг.) Американцы безуспешно вновь пытались достигнуть острова (1924 г.) Русское судно достигло острова и подняло на нем советский флаг (1924 г.) Советская колония с 1926 г. находится на острове. Такова история острова с ее возникновения до наших дней.

Вильяльмур Стефанссон, много лет своей жизни положивший на исследование полярной области и хорошо знакомый с международными обычаями, говорит, что три условия определяют принадлежность всякой новой

территории. Это — открытие земли, ее исследование и действительное владение ею.

Достоверное предположение Ф. П. Врангеля о существовании острова равносильно его открытию¹. Точное обследование острова сделано Россией. С 1924 года Советский Союз непрерывно владеет островом. Следовательно, все три условия налицо, и остров Врангеля составляет неотъемлемую часть территории нашей страны. Даже В. Стефанссон, упорный „претендент“ на остров Врангеля, после плавания Б. В. Давыдова, в своих работах и частных письмах открыто признает бесспорность прав Советского Союза.

Все это хорошо, скажет читатель, но оправдывает ли остров Врангеля весь этот интерес к нему и все эти усилия.

Чтобы ответить на это, вспомним о белых медведях, песцах, о моржах и тюленях, в изобилии населяющих остров и прилегающие к нему части моря. Вспомним о птицах, покрывающих летом утесы острова. Вспомним наконец о прекрасных оленьих пастбищах и о намерениях американца Ломена (предполагавшего между прочим получить от Советского Правительства концессию на этот остров). Все дело — в надлежащей организации островного хозяйства, подборе населения и снабжении его всем необходимым, в том числе и небольшими промысловыми судами.

Надо еще помнить о том, что организация на острове постоянных научных наблюдений (например, путем

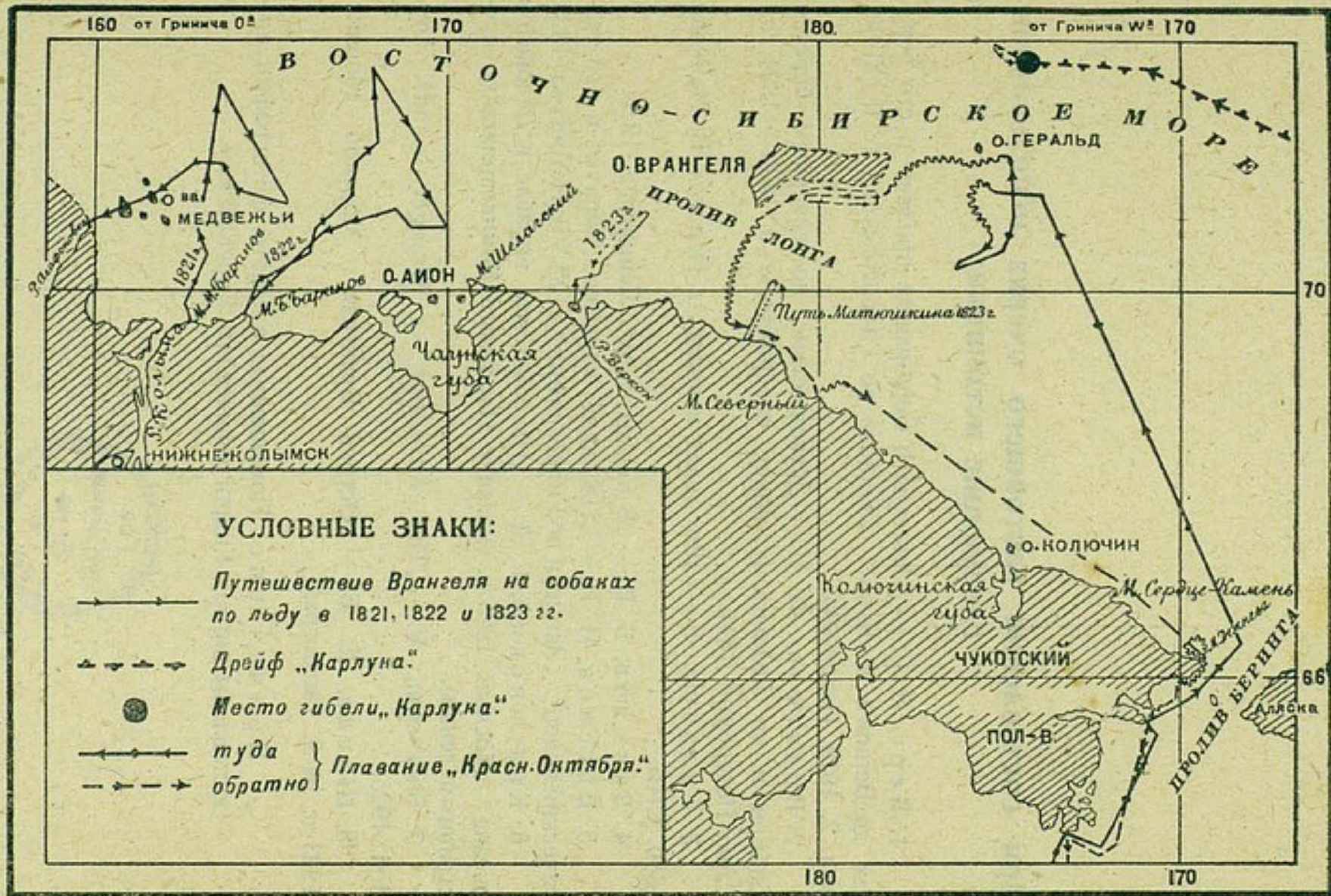
¹ Оценивая заслуги Ф. П. Врангеля в истории острова Врангеля, Советское Правительство сохранило за островом это его наименование (Постановление ВЦИК от 11 января 1926 г.)

создания гидро-метеорологической станции) может дать необходимый нам во многих отношениях и исключительно интересный материал по освещению различных физических свойств этого района, расположенного в открытой части Восточно-Сибирского моря.

Но все это еще не исчерпывает значения острова. В последние годы значение его определилось еще в другом отношении, что прекрасно учитывалось тем же Стефанссоном. Успехи воздухоплавания и авиации растут с каждым днем. Идея воздушных путей сообщения, пролегающих в высоких полярных широтах и представляющих кратчайшие пути сообщения между Европой и Дальним Востоком и Америкой, близка к своему осуществлению. В этом смысле остров Врангеля, лежащий на этих путях, будет служить прекрасной авиационной базой, использование которой имеет несомненно большие и разносторонние выгоды.

Все это, вместе взятое, вполне оправдывает внимание, уделяемое острову нашей страной и требует планомерного развития на нем продуманного и отвечающего его условиям хозяйства. Советской России остается только продолжать хорошо начатое дело.

При составлении настоящего очерка использованы следующие источники:

1. Берг, Л. С. — „Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука“. „Записки по Гидрографии“, т. II (XLIII), вып. 2. 1919. Петроград.

2. Врангель, Ф. П. — „Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820—1824 гг.“ Санкт-Петербург. 1841.

3. Гильдер, В. — „Во льдах и снегах“. Перевод В. Майнова. 1886. СПб.

4. Давыдов, Б. В. — „В тисках льда“. Ленинград. 1925.

5. Евгенов, Н. И. — „Плавание корабля „Карлук“ и его трагический конец“. „Записки по Гидрографии“, т. XLVII. Петроград. 1923.

6. Красинский, Г. Д. — „На советском корабле в Ледовитом океане“. Москва. 1925 г. (издание Народного Комиссариата по иностранным делам).

7. Stefansson, V. — „The Adventure of Wrangel Island“. London. 1925.

8. Шведе, Е. Е. — „Остров Врангеля“. Морской сборник. 1923 г. № 9. Петроград.

Примечание. Помещенные в тексте фотографии предоставлены автору Гидрографическим Управлением.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава	I. Географическая загадка XVIII столетия	5
„	II. В поисках неизвестной земли	13
„	III. Не земля, а остров	39
„	IV. Первые обитатели	61
„	V. Достигнуть острова во что бы то ни стало! . . .	79
„	VI. Заключение	106

30473
ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ

МОСКВА, Новая пл., 6. ЛЕНИНГРАД, Проспект 25 Октября, 66. ХАРЬКОВ, Горяиновский переулок, Дворец Труда, комн. 5. КИЕВ, улица Воровского, 25, пассаж, 33. РОСТОВ на ДОНУ, улица Фридриха Энгельса, 102. ТАШКЕНТ, улица Карла Маркса, 28. СВЕРДЛОВСК, улица Малышева, 62. ВОРОНЕЖ, площадь Революции, 20. САМАРА, Ленинградская улица, 37. НИЖНИЙ НОВГОРОД, улица Свердлова, 8.
===== САРАТОВ, улица Республики, 17. =====

1 руб.

Р
